

Олег Ермаков

ПЕКЛО – ЭТО РАЙ

Огонь как сакральная суть человека

Oleg V. Yermakov. – Thick is Paradise. Fire as the sacred essence of human

Вскрик «ОГО!» из/ум/ленья людей и восторга —
«ОГО/НЬ» в сути. Искренен тот, кто искри/т¹ —
сердцем, Я своим. С тем-то и люб нам огонь:
он — мы сами: Мир вечный² как Глубь
тел, душа³ — искра Божьей Любви,
че'LOVE'ка крылатая суть⁴.

¹ Сердце Греции Древней — Крит, остров **И**н'ого **п**ричинный. Из Крита **ис**скри/т огонь ее (Приложение 7).

² «Этот мир, не сотворенный никем из богов, всегда есть и будет вечно живым огнем, разгорающимся согласно мере и угасающим согласно мере», — учил Гераклит, зря Огонь Корнем (архэ) всего.

³ Макрокосм, Космос (греч.), в микрокосме как в капле своей **О**кеан, **В**о/да-**М**ать.

⁴ Огонь-Я, Глубь, есть Благо (явь чья — благодатный огонь: Приложение 5);
Зло — сторонний огонь, пасть **я**дающая: **Д**иавол, губи/тель наш.

ЧИСЛОВО
САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
РИФМА ЧИСЛА, АРИФМЕТИКА СЛОВА

Киев – 2016

***Человек в сути — Мир.
Речь людская — речь Мира,
устами рекущего нашими.
Речь свою людям познать —
познать Мир как Себя.***

Все мои труды:

<https://univ-kiev.academia.edu/OlegYermakov>

Иначе как чрез Слово Мир постичь нельзя: ведь Сл'OVO – OVO, Мир, Яйцо всего.

WORD IS WORLD

Luna * **O**leg * **V**ladimirovich * **E**rmakov

*In the beginning was the Word, and the Word
was with God, and the Word was God.*

John 1:1

*Get to the **root** of all!*

*Kozma **P**rootkov*

(https://ru.wikipedia.org/wiki/Козьма_Прутков)

Dear Friends!

My name is Oleg Yermakov. I was born in Russia, graduated from Kyiv National University of T. Shevchenko (Ukraine), I live in Ukraine. In April 2009 I created the Unified Field Theory which I would like to offer to your attention. The work is written in Russian. Its meaning is that Einstein, creating his theory, was mistaken: he created this work as a physical theory, but it is a **LINGUISTIC** theory, because **the Word is the Root of everything**.

Your sincerely,
Oleg Yermakov

e-mail: nartin1961@gmail.com

Все тайны Мира и Луны. Книга «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», скачать:
All mysteries of the Universe and the Moon. The book «Planet Love. The basics of the Unified Field theory», download:
https://www.academia.edu/2475366/Planet_Love_The_basics_of_the_Unitary_Field_theory_in_Russian

Мой метод. Наука сакральной лингвистики

Приход наш в сей мир — не рождение, но шаг к нему: к Целому — часть, к **Пол**ноте — **половина***. Мир, Дом наш — ед**ин**ство Сего и Того: Земли и Неба, брeнья и Вечности. С тем, для Земли рождены, Мира **цель**ного ради должны мы родиться от Неба, скрепив Духом плоть как **Водю живой**.

Так глаголет Христос Ни**кол**иму, искателю Знания: «Ист**ин**но, истинно говорю тебе, если кто не родится св**ы**ше, не может увидеть Царствия Божия». «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?», — пытается Никодим. Иисус речет: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится **от воды и Духа**, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух» ([Ин. 3:3-6](#)).

То ж — с наукой лингвистикой. Древней порой, Неба часть, человек не искал Речь — он был с ней един, с тем — тождественен Слову, создавшему всё, и могуч его силою. Рек Иисус о том: «...истинно говорю вам: если вы будете иметь в **ер**у с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20).

Утрата единства сего породила стремление людей вернуть его, с тем — и науку исканий, л**ин**гвистику. Сильной стать ей — есть родиться **в|го|рич**но: от Слова, Начала. **Лингвистика Мира — сакральная, труд мой, — наука земная, рожденная св**ы**ше. То — Зн**ан**ье, ст**я**жавшее Силу: Ум — Сердце, Ист**ок**. Им сильны, обретем мы Себ**я**.**

«Ночной разговор Иисуса и Никодима».
Картина Крейна Хендрикса

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Рождение св**ы**ше](https://ru.wikipedia.org/wiki/Рождение_свыше)

* **Поло**винности сей знак — **пол** наш: жизнь как часть, бытие на **полу**, в чуждой к**ры**л донной тьме.

Луна — ключ к Миру

Слово к ученым Земли

Все те, кто поистине уходит из этого мира, идут к Луне. (...)

Поистине Луна — это врата небесного мира.

Каушитаки-упанишада, I, 2

**Попытки создания строгой Теории Мира бесплодны,
доколе он нам пустота — Колесо без Оси. Осью сей
Предкам видящим нашим был Бог, Творец Мира,
а в явленном мире — Луна, Его трон.**

В начале минувшего века Альберт Эйнштейн предпринял дерзкую попытку объять мыслью Мир. Но подменой невольной ему дал он нам бранный круг — Преходящее, Вечность под маскою **времени**¹. Вместо теории Абсолютности он создал теорию относительности — тень Мира, дырку от бублика. Ибо оперся Эйнштейн на мирскую науку, трудами отца ее Аристотеля сокрывшую **Причинный мир, Иное, и Луну, врата** в него. Так дитя Бога, Мир потерял эту Ось, а круг зримый — Луну, лик Ее, став бездонной дырою, что мним Миром мы.

Что Луна есть Центр зримости, знал **Прашур** наш. Такова она в Ведах как гений Сансары и **дверь** в То. В **картине** Гармонии сфер, темной нам, Луна, **Мен** (греч.), а не Земля есть Центр — **Нутро** Земли как Огонь в очаге. Здесь она — равно Высь и **Подвал**: ведь Высь — Глубь, **Тьма**². Коперник, **сменив** в небесах Землю **Солнцем**, из центра изъял не ее, а **Луну**, нашу Суть³.

Так Эйнштейн, Мир дырой зря, остался ни с чем. Так **вернем** Мир очам! Слуга в том — труд «Планета Любовь»: **ода Полности сей, Полю** сущих. То — книга Луны **возвращенной**. Прочтите ее.

¹ Вечность, Иное, и бренье, мир сей — Суть и форма, Огонь и тень, Сердце и Ум.

² Земля и Луна — ложь и Истина: **сдвиг**, где Истиной, **Сенью** ложь схвачена и пленена с двух сторон. Таково слово «сатиям», Истина (санскр. सत्यम्). Речется:

Оно [слово «сатиям», истина — Авт.] трехсложно: са-ти-ям. «Са» — один слог, «ти» — один слог, «ям» — один слог. Первый и последний слоги — истина, в середине — ложь. Эта ложь охвачена с обеих сторон истиной: истина становится преобладающей. Тому, кто знает это, ложь не причиняет вреда.

Каушитаки-упанишада, V, 5, 1

С тем, у Греков царица Аида и мать **мертвецов** Персефона (как рим. Про'**SERP IN'a**) — Луна: Высь как Глубь бранных, жнущий их **Серп**.

³ Тем придав явь и должность труду Аристотеля, свергшему Благо Платона как Центр Мира — Нусом, **Злом**: следствием — Причину, Умом — Сердце, тенью — Огонь.

Зыбкий мир с тоской и облаками
Не зови единственной судьбой —
По другую сторону дыханья
Мы еще увидимся с тобой.
По другую сторону дыханья,
По другую сторону черты,
Где однажды звездами мы станем,
Крохотные искры — я и ты!

Леонид Дербенёв

तत् त्वम् असि или तत्त्वमसि,

*tat tvam asi (санскр.) — «ты есть то»:
не Земля — Небо, не тело — Дух.*

Пленник бренной Земли, Человек есть часть вечного Неба и Бога, Владыки его. Он есть ис-к-Ра: Огня-Бога, Ра (египт.), часть, что идет тьмою внешней из - к - Ра, Корнь ища свой, в чем есть Поиск, Труд: блудный огонь на воз-в-Ра-тном пути кольцевом. Поход сей — Восхождение; число его Пять — Человека число, звезда-Высь; уходить-возвращаться — есть пятиться как ра-к иль к-ра-б:

...РА-К-РА-К-РА-К...

Бог — Одно; искра Божья — в|торое: горящий огонь, к-Ра-со-та.

Метафизическая справка

Ист|ин|а — это ОГОнь, наше Я.

С тем, душа наша — иск|ра, К|остр|а-Бога
часть*, и воз|в|ра|т в Него — по|иск наш должный;
взыскует — истец. С тем, речет Ге|ра|клит,
огнь есть зрелище глав|ное нам и вос|то|рг наш,
«ОГО!». Слово «пекло» Славян — Рай, иль
Вы|рий (укр. рий — рой, копай): Мир, Жизнь
наша**, Огнь-Глубь, что лелеет — не жжет;
ад, огнь внешний — не сущ был им как тень
пред Солнцем, пред Сутью не-Суть.

В том — смысл слов «поперёд батъки в пекло»:
лезть так — не чтить корнь свой, к|ра|сть Рай его.
Ибо Огонь — наша Суть, Коей жаждет s|pec|ta|tor,
вз|ор: Цели нагой — пили|grim. С|пек|тр — Огонь
чрез а|с|пек|ты: Семь, Жизнь. Из Огня состоим,
из Него мы исходим, в Него воз|в|ра|щаемся —
в Ра, Бога, Солнце миров как Ед|ин|ое, Родину,
душ Пер|с|пек|тиву. Огонь есть Лю|бо|вь,
че' LOVE'ков Оплот: Бог и Мир, храм Его.

Вот что должно нам знать, чтоб, О|ра|кулу
внемля, постичь Я свое. Пуст, в него очи нам
затворил Ares'тотель, от Неба отъяв и тем
ввергнув в бо|Язнъ нас СЕБЯ КАК ОГНЯ.

* Прямым и конкретным свидетельством огненности души является редкий в сем мире феномен спонтанного самовозгорания человека (Spontaneous human combustion, SHC: https://ru.wikipedia.org/wiki/Самовозгорание_человека), когда из-за ослабления трансцендентного порога, разъедающего душу и плоть как То и Это, душа палит плоть до увечий иль смерти ее. Тот же огнь, восхищающий плоть в Дух, Исток, излинянем из сердца, зовет Кастанеда «огнем изнутри».

** Незнание тождества Жизни и Огня — корень абсурдного вывода: Солнце, подателя Жизни Земле — и с тем Жизнь самое, — мнят безжизненным, ибо, мол, слишком оно горячо.

Крылья в нас

Приложения

Приложение 1

AB SLOVO

САКРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА, МОЙ МЕТОД

Ab Slovo. The sacral linguistics, my method¹

Сакральная лингвистика — наука о верном делении слова, стоящая на двух столпах. Первый: Слово как Сущность тождественно Богу и Миру (**Вселен**ной). Речет **Еван**гелие: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1), — т.е., сущее прежде всего, **Слов**о есть Бог, Родитель, и Мир, Дитя: ведь кроме Мира у Господа нет ничего. Столп второй: Слово, сущих Оплот, не несет корень как часть свою, как мнят ныне, — *корень есть оно всё*². С тем, деление слова к Познанию вершимо не от части к Целому, но встречь — от Целого к части: в Глубь слова, сиречь **Сверху** вниз. Так, **AB OVO**, течет от **ис**то́ка река: Мир — от Бога. Так, Богом творим, в себе делится Мир без **разъ**я́тия; так в лоне **вз**Ра́стает дитя́: тело — из **гол**’**OV**ы, его корня. Деля так, мы, с Богом идя, зрим чрез сл’**OVO** всё сущее Мира и **дверь** в Мира **Цель**ность, **Л’у**ну³.

WORD IS WORLD

Суть познать — от нее ступать нам: от Причи́ны к Причи́не **возв**Ра́тным путем ко́льце**вым**. Так ступает душа, коя — мы, **ис**кРа́ Божья, вершащая По**ис**к: от Бога ко Богу, **из** — **к** — **Ра**. В том — са́кРа́льной **Л’IN**’гвистики суть. Луна, Речь (**Вак** (**инд.**)) — Корнь сей науки, частиц ее **Вак**уум; **да**тель ее людям — **Вак**х: Слово, **Сок** Луны, **Я’God**ы **ва**кантной⁴; **ав**тор в мир’у ей — **Сок**Ра́т, **ви**ноч’ерпий его⁵; глас забытой ее — я, восшедший от физики, ложного взора (**Природа**⁶, греч. фюзис, как явь **Ares**’тотеля — Мир безго**лов**ый: без Неба Земля, Дол без Выси), к линг’**VIS**’тике, науке Слова как Мира, Сосуда и Поля всего.

Труд сакральной лингвистики, Вакха стези: выжать из речи Мир как из ягоды сок, чтоб испить его нам.

¹ **Met-hod** — к **Met**é, Цели **ход**, суть наука Ид’ти-Дос’ти’гать. От поры Аристотеля, Землю **разъ**я́вшего с Небом, Главой ее, слово Полета «метá» переводят как плоское «после», «за», чья имманентность, тогда как Цель — «над»: Трансцендентное, Высь, коей мудрый крылат.

² Корень, Целое, мнят ныне частью, деля **слово, корнь себя**, на корень, суффикс, приставку и окончание. Сло́ва как корня единого явь — **Сав**/скрит (**Дева/нага**/ри), где буквы слов сущих с’**VIS**’аю́т с опоры единой, как смертные люди с Небес, бренье с Вечности: **संस्कृता**. **Пан**ка планок, Опора-**Выс**ь, Ось (**VIS**’ь (укр.)) — Речь, слов Душа: **Луна**, **Дева**, змея (**нага** (санскр.)) ко́льцевая.

³ «Все те, кто поистине уходит из этого мира, идут к Луне. (...) Поистине Луна — это врата небесного мира», — рекут о том Веды (**Кав**’шитаки-упа’ниша’да, I, 2). Поистине Небо, Высь — Мир как Ед’и́нство, каким и **есть он**; Земля, Дол — Мир как Рознь, коею он не есть.

⁴ Согласно открытию NASA, **Луна** — пустотельный сосуд: По́лость, тайная смертным очам, что навыворот зрят.

⁵ Бич дней сих, Стагиритова дочка наука не знает: искусство **Сок**Ра́та **май**лев’тика, данное в помощь **беременным Истиной, людям**, родить Ее — есть **жом**, **давление Ее из Слова как сока из Я’God’ы-Тьмы, Винограда** (Лозы — по Христу): царь умов **Дионисов процесс**, чьим посредством Мир, в Ягоде сей **Иноград**, извлекается из **древ**них речи корней, **Луны в ней**, ради знания его. Выжать из речи нашей, **вок**ала, Мир — **дв**ить **Лу**ну как Сосуд его: **Вак**. Речь как Мать всего, **Мен**у-**Патон**у у **Грек**’ов (сын коей **Платон** — муж **речистый отмен**но; **Луну** звать — лягушкою **к-вак**-ать в ночь **лун**’ну: **Причи**ну **петь дольне**), **Любовь** как **slové**s Суть, от бед всех **Вак**’ци’ну (с тем, первой вакциной в миру нас — **корова снабдила: Тьма, Мать**). Посему без **бок**’ала, рекут, нет **вок**’ала: без **Вак**’ха, **ме**’и’ад вожака и царя **Элев**’синий, аккадского **Син**’а, владыки Луны (**Вакх есть Бык, Сын Коровы сей, Бок, он же Рог, ее верный как Два при Ноде, Аполлон как пол-Лон’а при Лон’е, Лун’е**) — нет и речи людей как **рек**’и от **Исто**’ка сего.

⁶ **При Род**’е (Бог (стар.)) — плод Его и подобье: Мир, Божье Дитя.

Приложение 2

МИФ

Древнее народное сказание о легендарных героях, богах, о явлениях природы. М. о Прометее.
2. перен. Недостовверный рассказ, выдумка. М. о пришельцах.
3. То же, что вымысел (в 1 знач.).
Вечная любовь – миф. || прил. мифический, -ая, -ое.

Толковый словарь Ожегова

МЕТОД ЕСТЬ МИФ • METHOD IS MYTH

С^{то}лп труда сего — **Миф**. Только он, Сердце наше — у **мам** Аргу^{мент}, т^{айн}ый т^{лен}ной науке¹ как Всё ничему. **Миф есть Сущее: Мир в очах зрячих как Целое в части согласной своей**². Миф есть Жизнь: ибо Сущее — Жизнь; чуждость Мифа — безжизненность: смерть, Жизни нуль. **Миф — Любовь: Жизнь — она; не любить — есть не жить.** А **в|то|р** Мифа есть **Бог**, его Сердце; Мир — тело при нем: Миф как плоть. Мифа взор — очи зрячие: Вечности **вз|ор** и **при|част**ных ей; очи слепые — взор бренья и всех сущих им, коим Мир есть **мираж**. Т^{лен}ным нам, бреньем **бодр**ым, Миф — **Сон**: То как с^{мер}тных О^{сна}ва, дом П^{ра|шу}ров, кои в нем есть корни наши: **не сущие** в Сем как **несущие** нас. Мира части, мы есть **части Мифа**: он есть **Со|ста|в** наш, капль своих **Ок|е|ан**³. С тем, **Миф — сам че|LOVE|к, человечность — мифичность; Moon|house|н — дух наш: Луна, летал к коей барон — наш Исто|к, Дом наш как СОЛНЦЕ МИФА; позн|ать Миф — позн|ать Я свое.** С тем, душ| (ба (египт.)) нашей **иск|ра** как мы самое — Миф как Мир, Огонь-Я. Мир как Суть **до|ка|з|ать** — Миф **стя|жать** **око|м** ч^{ист}ым, с^{тез}ей к^{оче}вой⁴ (ибо **в|идет|ь** — идти, очи — ноги-к^{рыл}⁵): **до Са|ús|ы, При|чины** дойти: в Том — до Гос^{пода}, в Сем — до **Луны, Мены, трона** Его и **ларца**.

¹ Дитя **Арес** тотеля, Розни посла, очи наши разъявшего: Сердце, Единое — в Ум пустой, Два.

² Мир — Творение Бога, Тьма-Свет, Лоно сущих, **в|селен|е** **Вселен**ная их. О Реальности сей **ос|с|е**вой пишет **Лос|е**н в своей «Диалектике мифа»:

Разумеется, мифология есть выдумка, **если применить к ней точку зрения науки**, да и то не всякой, но лишь той, которая характерна для узкого круга ученых новоевропейской истории последних двух-трех столетий. С какой-то произвольно взятой, совершенно условной точки зрения миф действительно есть вымысел. Однако мы условились рассматривать миф не с точки зрения какого-нибудь научного, религиозного, художественного, общественного и пр. мировоззрения, но исключительно лишь с точки зрения самого же мифа, глазами самого мифа, мифическими глазами. Этот вот мифический взгляд на миф нас тут и интересует. **А с точки зрения самого мифического сознания ни в каком случае нельзя сказать, что миф есть фикция и игра фантазии.** Когда грек не в эпоху скептицизма и упадка религии, а в эпоху расцвета религии и мифа говорил о своих многочисленных Зевсах или Аполлонах; когда некоторые племена имеют обычай надевать на себя ожерелье из зубов крокодила для избежания опасности утонуть при переплытии больших рек; когда религиозный фанатизм доходит до самоистязания и даже до самоожжения; — то весьма невежественно было бы утверждать, что действующие тут мифические возбудители есть не больше, как только выдумка, чистый вымысел для данных мифических субъектов. Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но — **наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это — совершенно необходимая категория мысли и жизни**, далекая от всякой случайности и произвола. Заметим, что для науки XVII-XIX столетий ее собственные категории отнюдь не в такой мере реальные, как реальные для мифического сознания его собственные категории. Так, например, Кант объективность науки связал с субъективностью пространства, времени и всех категорий. И даже больше того. Как раз на этом субъективизме он и пытается обосновать «реализм» науки. Конечно, эта попытка — вздорная. Но пример Канта прекрасно показывает, как мало европейская наука дорожила реальностью и объективностью своих категорий. Некоторые представители науки даже любили и любят цеголять таким рассуждением: я вам даю учение о жидкостях, а существуют эти последние или нет — это не мое дело; или: я доказал вот эту теорему, а соответствует ли ей что-нибудь реальное, или она есть порождение моего субъекта или мозга — это меня не касается. Совершенно противоположна этому точка зрения мифического сознания. Миф — необходимейшая — прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая — категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это — подлинная и максимально конкретная реальность. // ... // Миф не есть бытие идеальное, но — **жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность.**

³ Осознание себя частью Мифа, т.е. **единородной частью Вселенной** — отличие мага от **обы|чно**го человека (так зрит Кастанеда). **Ма|н** (**ма|ха** — великий (санскр.)) — **во|ин: во|Глуби**, Мир идущий, **Тро|пы** сей **ин|тро|п**: сила мага — очей **С|иза**, Миф как **С|е|д|е|на**, **Ма|х** (авест.), **с|ил|е**н коей всяк как **Ма|х|аним** к^{рыл}.

⁴ Так стяжал его Скиф, **П|ра|ну|р** наш.

⁵ Ибо **оп|тика** — **птица: ду|ша**, суть **ид|ущая**.

Приложение 3

Пси, Птица

Душа как крылатая суть

Тайна нашей высокой природы, горящая в Слове

*Приучи душу свою к размышлению:
она скоро будет иметь орлиные крылья.*

Пифагор

Бог дал рúки нам **Действия ради**,
день наш — **пора day**'ствья. Но главное
дело **людей** — поход к **Богу, Вершине**
Вселенной как чистому Я нас: **Возврат** как
Полет в Суть, **Лю|бо|вь**. Посему руки — **к|рыл|ь|я**.

Идущего стезей Познания, **воина — во Инь** торящего:
в Бога, Глубь, — Мудрость зовет од**и|н|о|ко**ю птицей*,
чей **к|лю**в смотрит вверх: Глубь — Высь. В этом стремлении —
сущность Креста как Распятия: **длинная вер|ти|каль****,
перечеркивающая короткую **горизонталь** как стрела
в Небо. Сей же порыв — корень полетов детей
во сне: ле**т|а|ют** — значит, **растут**.

Вся **ис|то**рья, тропа в пасть **времен** — путь **отъ|я**тъя
нас от крыльев и Вертикали: ключей от Небес, нашей
по|длинной Родины. С ними в **разлуке** мы. Но **крылья** наши
и Высь никуда не ушли — они **скрылись** воглубь как **душа**,
сущность наша. Как бабочка в **ко|коне**, она таится в нас,
червями сущих на бренной Земле. Час пробьет —
кокон лопнет, и крылья людей станут **явью** опять.

*Solo-way — стезя (way (англ.)) как песнь одного (со|ло (ит.)).

«Верти к Аль» — «тори к Господу (Аль** (араб.))», сущего **Аль|фе**.

Имя Псюхе (Психея), душа (БА — Египту), по-гРЕЧески — БАБОЧка: птица, крыЛАТая суть. Имя это ее НОвым нам есть метафора — смысл переносный, второй. Но в'STAR'ь смысл этот, *Истины в прах переброс, Бога в ноль*, ARES'тотелем¹ данный нам к Розни, не сущ был. Душа была Древним крылата в еДИНственном смысле — прямо², ведь знал ПРАЩУ³р:

ДУША, ЧЕЛОВЕК КАК СУТЬ ГОЛАЯ —
ПТИЦА; ПОЛЁТ — YES'THEOS'ТВО НАШЕ:
В БОГА ВОЗВРАТ КАК СЕБЯ САМОЕ.

Лик души посему — буква ПСИ ГРЕКов: ПТИца, к полету раскрывша кРЫЛá. Смысл прЯМОЙ, ДРЕВний³ — птичий, власть крыльев — вСЕЛЕНская власть. Посему Бог египЕТЬский, ЕгипТА Огнь — ПТАХ: Царь душ, горних ПТАХ Его. С тем, че'LOVE'к, первым в Небо, GAGAна (САНскр.), восшедший ДЕРзко — ГАГАРин, ГАГАРа-геРОЙ. Крылья — ОЧи нам: оПТИКА — ПТИЦА. АнТРОПЫ ЛУНЫ, ВРАТ НЕБЕС, дүши голые — гЛАЗ господá посему, Миром зрящие Мир⁴, и кРЫЛатые сути, закон чей — Полет, ХОД во ГЛУБЬ: в Бога, Высь: Глубь и Высь есть Одно.

С Небом ПРЕЖде един, человек был крылат; пав в ДОЛ НИЦ — стал чеРВЁМ, РОЗНИ ЖАЛким рабом, гусеНУЦей, кому ПОЛЗать — ПОЛЬЗА. В срок свой — воспарим мы оПЯТЬ в Высь звЕЗДОЙ, ПЯтерицей! Червь — бабочкой станет; МЕТАфора-ложь — станет нам ЦЕЛЬ, МЕТА: ИСТИНА — Бог, ЛЮБОВЬ как Я наше, каким ЦЕЛы мы. Душа, ИСКРА ГосподНЯ — стЯгает Творца, Солнце-РА, как ИСТОк, что ИСКать суща, ЛОНО свое, пред каким СКЛОНена АТМА эта, огонь КАНувший, юДОЛЬ исКАНий чьих ТЬМА — бренья КРУг, ДОЛЬний КРАЙ.

ДУША НАША, ПСИХЕЯ — ПСИ-ГЕЯ: СУТЬ ПТИЦА, ДИТЯ НЕБА,
В КЛЕТКЕ ЗЕМЛИ, ДАННОЙ ЕЙ К ИСПЫТАНИЮ ТЬМОЙ.
ДУША — ПТИЦА, КРЫЛá — НОГИ НАШИ, ПОЛЕТ — НАША СУТЬ.
НА ЗЕМЛЕ СЕЙ ЖИВЯ — НЕБОМ ШЕСТВУЕМ: ЖИТЬ — ЕСТЬ ВИТАТЬ.

¹ Даниик Ареса, Розни, лишением Бога отсекий познание людей от Небес: Ум от Сердца, от Целого часть.

² Рек о том ВОЛанд, ДьяВОЛ BULL'таковский: свежесть — второй не бывает вовек. Сердцем ведаёт это дитя, Бога дар сему миру крылатый: http://royallib.com/book/chukovskiy_korney/ot_dvuh_do_pyati.html

³ Миру (Вселенной) согласный как ДРЕВу, чей Корень есть Бог.

⁴ Исконные нам Люди, жители Неба, Мир зрящие тем, чем он есть; мы же, падшие — зрим Мир безмирьем, нулем: Всё — ничем как дырой от него.

Приложение 4

Человек:

дитя Неба в тенётах Земли

*Небом мудр и силен,
он однажды вернется в него*

SKY, НЕБО
MY'SKY'Л (МУСКУЛ)
MY'SCHOOL
ЖИТЬ – VITÁ'ТЬ

Че **LOVE** к наших дней — дитя
Неба, забывшее крылья свои.
С тем, важна людям Па**м**ять:
то **Мать** их, гласящее Лоно.
Исток вспомнив свой — тем,
земляне, найдем путь Домой.

तत् त्वम् असि или तत्त्वमसि,

tat tvam asi (санскр.) — «ты есть то»:
не Земля — Небо, не тело — Дух.

НЕБО, ВЫСЬ, есть Единое — РОДИНА наша, Дух, Цикл, КОЛО (ст.-слав.), от КОЛЕ s'VIS'аем мы, люди, как буквы в САНСКРИТЕ с ОСНОВЫ, Оси (VIS'ь (укр.)) их, бранным — СНА; Сила, VIS (лат.) как МУ'СКУ'лы к РЫЛ, данных нам воспарить в ТО как Глубь (ведь Высь — Глубь), Собой стать. Небо — Š'KOLa (чешск. школа), отколе мы СКОЛОты РАне, по коей ТО'SКУ'ем, SKY'лим как по РАДОСТИ ТАЙной в стремленье ДОСТИчь — в корне SKY'фы, СКОЛОТ'ы: с ЛУН'ы, МЕН'ы (греч.) СЕМЕНА как в РАт в РА, БОга сущих, и в Мир, Его ПОЛЕ, чье имя есть Небо² (с тем, Скифам СТОлицей И'SKY'за была: гРАд ИЗ CAUS'ы, ПРИЧИНЫ с ТОл). ЛЕПОте сей, в нас тАЙной, мир бранный сей — с-к-ЛЕП.

Неба сын — КИФаред А ПОЛЛОН, стре'LOVE'ржец его как ПОЛ-ЛОНа сего, ПОЛОН им как сосуд своей Сутью: Ум Сердцем, ВИНОМ мудреца; ФЕБа сын — Э'SKY'лап, иль А-с-к-ЛЕПий, ЛЮБОВью лечивший ЛЮДЕЙ: ЦЕЛ'ым, ЦЕЛ'ью ЦЕЛ'я падших сих: дрЕво Корнем, ИсТОком рек'у. Феб — приВРАТник Луны, Неба стРАж, ВРАТ'ь мастак³ (месяц чей есть ФЕБ-ВРАЛЬ), дух крепящий к Пути. С ИИСУсом единый, ведет этот SKY'ПЕР ДОМОЙ нас, ПЕРнатых, с ТЕЗ'ею кривой — пуноВИНОЙ ВИТ'ою Любви, властной и укреПИТЬ и убить⁴ (ведал кою СОКРАТ, Феба глас, по'ВИТ'ухи дитя): СМЕРТЬ с Любовью — одно.

Небом всякий велик (МАХА (санскр.)); кто крыЛАТ наяву — МАГ, суть МАстер МАХА'ть, ПИЛИГРИМ⁵ в ЛУНУ, МАХ (авест.), бранных нас МАть, где ТАим Мир, ВаЛУН, КАМЕНЬ КАМ'ы, Любви — сущих ИСТИН'ы, АМЕН (лат.), душ VIS'оты. Мир, Глубь наша — нам КРЫЛ'ЬЯ; СЕЛЕН ой, Луною СИЛЕН че'LOVE'к как Любовью, ИстОКОМ своим.

¹Самоназвание Скифов.

²«Все те, кто поистине уходит из этого мира, идут к Луне. (...) Поистине Луна — это врата небесного мира», — гласит Каушитаки-упа^{ниш}а (I, 2).

³Прозванный за кривые о^{ра}кулы Лох'сием, Кривым (ви^тым как дох'он).

⁴В теории космонавигации известна как улитка Шап'гел.

⁵Тот, кто пилит грим свой, плоть пустую, над ней в Дух как Суть, Я свое, восходя.

Приложение 5

БЛАГОДАТНЫЙ ОГОНЬ:

календарное чудо Земли

ВЕСТЬ НЕБЕС НАМ О ТОМ, ЧТО МЫ ЕСТЬ

Кто не верит в Творца, не поймет
Благодатный огонь и нужду нашу в нем.
Он — свидетельство Бога о нас, сущих Им
как Я нашим: есть Бог — есть огонь
сей; горит он — мы есть.

— Вы видели, как сходит Пасхальный огонь?
 — Да, я видел два раза. Тогда ещё был жив архиепископ Антоний (Завгородний).
 И когда в Великую Субботу Патриарх вышел с Благодатным огнём, мы не стали от него зажигать, а быстро,
 вместе с владыкой Антонием, нырнули в Кувуклию Гроба Господня. Один грек забежал, владыка и я,
 и мы увидели в Гробе Господнем синего, небесного цвета огонь, мы брали его руками и умывались им.
 Какие-то доли секунды он не жёг, но потом уже приобретал силу, и мы зажигали свечи.
 — Огонь прямо на этом камне горит?
 — На камне, и все лампады горят, и весь камень покрыт огнём.
 — А миру это всё равно! Как вы думаете, почему так получается, что люди
 так мало внимания уделяют этому ежегодному чуду?
 — Это надо видеть! Я тоже, если бы не видел, сомневался. Но я увидел сам, горит огонь,
 и мы умываемся. Сплошной камень, мрамор, и весь покрыт огнём.
 Ни копоти нет, ничего, просто горит огонь и всё.

Алексей Сагань. Беседа с епископом Благовещенским Гавриилом. Святая земля, Благодатный огонь

В мире сем тьмы не верящих в Чудо, но людям — нельзя без него, как
 Земле сей без Солнца, душе — без Любви, Млека ей.

- Чудо есть лик IN'ого в просветах Сего: Бог как Огнь из-за туч Сатаны*, князя бренья, Учитель наш;
- Чудо — печать Полноты: только в нем Мир, То-Это, являет единство свое;
- Чудо есть не со БЫТИЕ, но БЫТИЕ: сами мы, сути ГОлы; нет Чуда — нет нас;
- Чудо есть Жизнь в нас, сущих: Мать (кит. Инь, Жена) в своих ЧАдах, душа — в теле как Божья искРа, огонь-Я. Не мы Чуду владыки — оно нам: Высь — Долу, Огонь — тьме, дыре от него (дыРа — дiРа (укр.): разъятый Бог);
- Чудо, ДИВО — ВОДА, Глубь, чей DIVER мудрец, DRIVER дум; душам — Душ, Синтез их, Ушат-Тьма; Высь-ВЕРшина (англ. ТОР), уТОПаем где мы как во истинном Месте (греч. ТОРос) своем**.

Чудо не предречь до льним нам: Высь — Тайна, Царь. Но служащее нам (царь — слуга слуг своих), оно есть БлаGOДатный (англ. HOLY) ОГОнь: ГОЛЫЙ БОГ, Чудо в срок, нам из вестный как солнца восход в день любой, дабы знать нам реальность его. Огнь сей — ВЕСТЬ Воскресения. Жизни во имЯ (ДВИЖЕНия, GO, лик чей НАГА, Змей: Истина, ДА МА нагая) — да зрим мы ее!

Чудо, Miracle (англ.) = Mir-Ra-cle = Мир (Вселенная, Вечность)
 + Ра, Бог: Иное, Корнь наш как Миraж бранных глаз

ВосКРЕСАЛО — КРЕСАЛО: исторгнутый Огнь, в яви Бог

Бла'GOD'ать — На'GOTT'а: БОг
 как чистое Я че'LOVE'ка, ЛюBOвь без пелен

EXIST есть EXIT: Быть — Свободу стяжать как Иное:
 стать Чудом как Глубью всего

* Неотдельный от Истины, Сат: от Огня — тень его.

** Вода — Женщина, Мать: Врата в Господа, Да (en — ис (греч.): Лоно, То). Буквы Матери-Женщины М и W с тем и идут от пилообразного египетского иероглифа, обозначающего воду (Приложение 5). Пила как инструмент (пилят — жены мужей: Сердце — Ум, форму — Суть) — пила воду: Жену — мы как Жизнь, Мать свою, Серп, нас жнущий в свой срок.

Скифы: племя с Луны

Корневой народ и корневой язык Земли

*Жизнь на Землю пришла из В|селен|ной:
часть Целым жива, мир сей — Всем. Племя
первое нашей Земли — Скифы, люди с Луны,
Мены Греков: врат в То, отколь пали они —
Вечность в тлен; их язык, корневой
земным — лунная молвь, душ нагих имена.*

Scythians: the tribe from the Moon

The root people and the root language of Earth

The life to Earth came from the Universe: the part is alive due to the Entire,
this world is alive thanks to the Whole. The first tribe of our Earth were
Scythians, people from the Moon; their selenic language was the root
to earthly languages — the heart of human language.

**СЕЛЕНА — СЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ НАШЕ:
ПЕРНАТЫХ ГНЕЗДО (ДУША — ПТИЦА), ДОМ-КОРНЬ**

...NAMENAMENAMENAMENAMENAME...

Скифы — первые люди и первый народ на Земле

Scythians are the first people
and the first people on Earth

Чуждый **времени** мира сего — миру этому чужд:
время — он, бренный дом наш*. Всецелая рознь
взглядов на возраст Скифов **Геродота**, их
зрившего младшими в хоре **Землян**, и **Помпея**
Трога, зрившего их наидревними — в сути
своей есть рознь **Скифов** **Земле** как
Адамов, нисшедших с **Луны**.

*Бренность, сфера вещей — **в'РЕМ'**я, ду́ш **бремя**;
Вечность — **Пространство**, круг душ, **ядр** вещей, как **Свобода** их.
Вещи есть то, что **вещает** о душах: о сути — **ко|ра** ее.
Пространство — Истины **храм**; **время** — **врет** как **утрата** Ее.

ЛУНА: ПИР ЗРЯЧИХ ГЛАЗ

Лишь в бранных, смотрящих очах Луна
мертвое тело, Земли sat'еллит; в зрячих,
вечных она — Жизнь как Истина, Sat
(санскр.), Исток-Цель. Увидеть Луну тем,
чем есть она подлинно — очи благие
стяжать как Похода залог (табл.).

Таблица

Луна и Земля в очах сущих

Небесное тело	В бранных, смотрящих очах	В очах вечных, видящих
Луна	безжизненный спутник Земли	Тело-Жизнь: Центр Сего, в То врата
Земля	наделенное жизнью (отколе — незримо) центральное тело	сосуд жизни, нисшедшей с Луны, Луны паж

MOON = SKY

Scythians, the lunar
(heavenly) people as the
founder of the earthly
humanity, the people-Adam
+ its language as the source
of all earthly languages

EARTH*

*Земля, Это — искусство Того: сосуд Жизни, устро^енный ею себе, трон^е внизу.

Знает мудрый: вершина горы
не горы — Неба часть. Сущность Скифов
не знать — ставить их в ряд **ис|то|рии**;
Скифы ж — внерядны, истории бóльшие
как корень Землян: древа их Полность,
мнимая частью его. Пле**мена** бренны —
плоть; **Скифы** — Вечности люд, души
голые: без очага **ог**нь, Луна без Земли
как стезя **кочевая** — **скитанье** как Суть.

Цивилизация *Homo sapiens* произошла от **людей**,
 сшедших в мир сей с **Луны***. Имя тому — **падение**
 Человека: **утрата** им Неба, Отчизны, **врата** чьи она.
 Селениты Земли — Скифы, корень всех пле**мен** ее,
 явь чему есть рознь слов **грека** **Геродота**, что они
 на ней на**имладший** народ, и слов римлянина Помпея
 Трога, что они — древнейший народ, **старший** и Египтян.
 И**люзорна**, рознь эта — раскол наших **глаз**, зрящих **Двойку**,
di'ру там, где **Пра|шур** **Однó** зрил: Мир, Суть. Ясно, Трог,
 Древним в лад чтивший труд Геродота святыней, с ним
 спорить не мог, — **правда** ж в том, что **РЕАЛЬНЫЙ**
народ****, в мире сем **равно** младший и старший, су**щ** в нем как
ЗЕМЛЕ НЕ ПРИЧАСТНЫЙ. Он — **Неба** го**нец**, в мире
 сем **НИКАКОЙ** как **Омега** и Альфа е**дино**: д**итя** и **star**'ик
 как **Эрот** — **Лю|бо|вь**, Вечность под маской **ребёнка**,
дер**жащего** в длани всесильной Олимп**.

* Че'LOVE'ка исход от Луны, **Мены** — истина речи людской. Корень Луны в ней есть **Man**: Любовь, **Цель**, что **цел**ит нас и **ман**ит к себе; человек — **man** (англ.); первоантроп земной — **Ману** (др.-инд.); рука — **manus** (лат.): **длань** **Луны**, **автор** наш, данная нам созидать.

** **Олимп** есть **им|пер|ья** **Эрота**, **Но|ля**, коей царь он. **Эрот** есть **Орел**, гений Крыл, боги — **перья** его, ему **вер**ные. Стрел его раб был и Феб, сын Луны (ведь Латона, его мать — она), стре'LOVE'ржец. Связь их вот: Эрот — суть Причина, Луна; Феб — суть Следствие, Земля. Эрот целится в Землю как в брение Вечность, Феб целит в Луну: бренье в Вечность, **Исто|к** свой. Стрельбой этой парною Небо и Землю в Единство спрягают они.

LUNGUAGE (АНГЛ.)

SKY (АНГЛ.)

SKIES (АНГЛ.)

SKYTHIANS (АНГЛ.)

SKI'ФЫ (РУС.)

ОМЕГА ЕСТЬ АЛЬФА

Скифы как Последние и Первые,
Младенцы и Старики

Владыки Олимпа, могучие, были бессильны
перед луком Эрота — крылатого
озорника-мальчугана, пострела горы сей:
Эрот в сути — Эрос, исконная Дева,
Тьма-Мать, мощью высшая Зевса.
Так горний STAR'ик, дух Любви, правил
хором бессмертных одевшись в дитя.

Скифы, по Геродоту позднейший народ, — Эрот
тот же. Они младше всех, ведь под маской их
детства скрыт первый, старейший народ Земли,
корень землян. Народ с Луны, в Небо врат, народ-рай.
Явь сего — имя СКИфы, дар Греков, англ. SCYthians:
SKY'фы, гонцы Неба — нашей Отчизны, Того,
по какому то'SKY'ем мы; Мира послы, SKY'льптор
коего — Бог вечный. СКОЛОТЫ, самоназвание
их — в сути СКОЛОТЫе: Богом — с Луны
в мир бренный к СКИтанию в нем.

Как душа, **ис|к|ра** Божья¹, из Бога и в Бога ступая по кругу — **из-к-Ра** (Корня **по|иск** — **Воз|в|Ра|т**), — в плоть нисходит с Небес для **я**вления, так племя землян — в сути д^уши, **скит**алицы горни, сошедшие в мир сей как в **до|льнее** **ло|но** им. **Т** и **Ф** в речи — одно: **Теос** — **Феос**². Отсюда «**ски|т**» — Ски**ф**: имя общее душ, шедших Свыше в **скит**³ бренья — народ **к|очевой**⁴, **Ть|ма**:

СКИФ — SKY'Ф, С НЕБА ГОСТЬ

Не|беса — Исток наш: очам зрячим — **Луна**, **ки|от** Бога, **Причины**, иль **sky'Ra** (рус. **шкура**, укр. **шкіра**) Его. **Сел|ена** — наш **Пра|щур**, **Над|землье**, **Корнь горний**⁵, столп **вер|ы** нам, бранным. **От|сел|ь** (панспермии уча, рек **Вер|над|ский**) сошли в мир наш Скифы: в Дол с Выси. Слог лунный есть **Ци**, **Ки**: **Ки|таю** — Энергии слог: Духа, Тьмы, коей **Луна** **пол|на**. С тем, «**с-Ки-ф**» — «**с Ки**»: с Луны племя, гонец коей **Феб**, сын ее⁶, **ки|фаред**. Скифов царь есть **Ски|лур**, а столица — **Ишкуза**: «**из Caus'ы**» — с **Луны**, **Причины** Земли.

Искра Божья, душа — Любви огонь, Земли высший: ведь **Бог есть Любовь**. Ею сущ че **LOVE**к! С тем, **Лю|бовь**, бог чей **Кама** — **мираж** в **мире** сем, на **In'ом** **камуфляж**: **Лоне**, **Инь**. Так под маской по**стрела** **Э|рот**а, малейшего из олим**пий**цев, скрыт **Э|рос**, древнейша суть (рек Гесиод), и сам **Зевс** не сильнее его **стрел**. **Вино**, Любви посол в бреньи, Пушкин зовет посему «молодым стариком». Камуфляж тот же — Скифов черта: **Геро|дот** зрит их младшим на**ро|дом** из всех, Пом**ней** **Трог** — наистаршим⁷, что значит: народ сей — под маской м**ла|денца** Дух **древний**, **Star'ик** Огонь, Земле не **при|частный** как **корнь всех землян** с Неба, **Почвы** своей. Быть в сем мире враз младшим и старшим — суть быть **ника|ким** как Иное: **под бренья лич|иной** — **Тьма**, **Дух**.

В земном древе племен Скифы есть **предки всех**, а в преемстве прямом Корня — **Русичей: дух рода их**. Скифы, горни — лик Целого в части: **в сём** **Всё**. Таков есть и язык их: корнь всех земных, старший **сан|скрита** как **Сердце Ума**, **дре|ва** корень, слуги гос**по|дин**⁸. Он науки Господней оплот: стези лунной, скрыл кою очам Стагирит за наукой своей:

SCIENCE — SKY'ENCE:

наука — Неба п|о|сев о|сев|ой: в Slove Бог,
Жизнь-Семь (SEV|En) как Сем|я святое, Луна на устах.

¹ Душа есть **я наше**: живящая капля Огня в строгом, **собственном** смысле понятия — **смысле прямом**. Это, по Кастанеде, «огонь Изнутри», не опасный для плоти в разъятости с ней трансцендентным барьером —

субстратом разъемлющего нас с Истиной понятия «переносный смысл», порожденного Аристотелем как способ **кривить душой**. Созидательный прорыв сей грани влечет вспышку и исчезновение человека в сем мире — его **Уход, восхищение** (стар.) в Небеса с восставленьем исконной духовно-телесной цельности как **обретенье Себя**. Прорыв грани губительный, редкий в миру, именуем «спонтанным самовозгоранием человека» (spontaneous human combustion, SHC): взятие плоти огнем как **утрата ее**, или смерть. Посему излиянье Огня как сожжение Вовнутрь — **Радость**, губительное ж — наружу: по|**жар** как **жор** Зла, горе нам.

2 Оба знаменуют человека: **Т** — с|**Го**ящего раскинув руки в с|**То**роны, **Ф** — подбоченившегося, сиречь стоящего **ф**ертом как буквою сей.

3 Скит — юдоль отшельника, дом отрешенья людей от всего. Такова нам Земля, сфера бренья, в сакральной традиции — «могила духа».

4 Очей ради — скитания: в сущности — Мира, Предмета их: **видеть** — ступать нам Путем, Миром, к Цели, Творцу, в **Я** свое.

5 Жизнь ее, Древним явна, в дальнейшем пропала в **утративших Мир** очах дольных, **в Луну отойдя**. Не Жизнь скрылась: как Истина, Дух, вечно **я**вна она, — очи наши ослепли, престав ее зрить.

О начальности Луны Земле и земным нам Блаватская пишет:

Луна является спутником Земли лишь в одном отношении, именно, что физически Луна вращается вокруг Земли. Но во всех других случаях именно Земля есть спутник Луны, а не наоборот. Как бы ни было поразительно это заявление, оно не лишено подтверждения со стороны научного знания. Оно подтверждается приливами, периодическими изменениями во многих формах болезней, совпадающими с лунными фазами; оно может быть прослежено в росте растений и ярко выражено в феномене человеческого зачатия и процесса беременности. Значение Луны и ее влияние на Землю были признаны каждою религией древности, особенно еврейской, и были отмечены многими наблюдателями психических и физических феноменов. Но пока что наука лишь знает, что воздействие Земли на Луну ограничивается физическим притяжением, заставляющим ее вращаться в ее орбите. И если бы возражатель настаивал, что этот факт, сам по себе, достаточное доказательство, что Луна действительно является спутником Земли и на других планах действия, можно ответить, задав вопрос — будет ли мать, которая ходит вокруг колыбели своего ребенка охраняя его, подчиненной своего ребенка или же зависящей от него? Хотя, в одном смысле, она его спутник, тем не менее, она, конечно, старше и полнее развита, чем ребенок, охраняемый ею. // Следовательно, именно Луна играет самую большую и самую значительную роль как в образовании самой Земли, так и в населении ее человеческими существами. Лунные Монады или Питри, предки человека, становятся, на самом деле, самим человеком.

Е.П. Блаватская. Тайная Доктрина. Космогенезис
http://ezoteric.polbu.ru/blavatskaya_doctrine/ch11_iv.html

(выделения в тексте – мои)

Окультино Луна является «родительницей» нашей планеты, она гораздо старше Земли (...). Наши духовные прародители «питри» (предки) пришли с Луны и вошли в пустые земные оболочки, одушевив их, чтобы продолжить своё эволюционное развитие на новой планете. Так учит Тайная Доктрина. Отсюда и культ почитания предков, которые являются духами, вошедшими в наши физические тела. Таким образом, питри — это мы сами. Луна гораздо древнее Земли и даже Солнца. Именно Луна управляет Землей, взять хотя бы приливы и отливы, рост растений, менструальный цикл у женщин — все эти жизненные явления связаны с влиянием Луны.

Тот же труд
<http://demonhost.info/807-tajny-vselennoj.html>

(выделения в тексте – мои)

Здраво видя в Луне столп Земли, Е.П.Б. мнит ее лишь пассивным звеном чреды Жизни, что, Огонь сей отдав, гаснет. Нет: **Луна — жизни Исток, Огонь навек**: нет его — нет реки, им творимой. Лик хладный Луны — явь обманная: ложь очей бранных, не зрящих Огонь, с тем — пустых без него.

6 Латона, мать Феба — у Греков Луна.

7 Трог пишет о том:

Скифское племя всегда считалось самым древним, хотя между скифами и египтянами долго был спор о древности происхождения. Египтяне хвалились, что при начале мира, когда одни страны пылали от чрезмерного солнечного жара, а другие коченели от ужасного холода, так что не могли не только первыми произвести людей, но даже принимать пришельцев... в это время Египет обладал климатом настолько умеренным, что ни зимние холода, ни летний солнечный зной не причиняли страданий его обитателям, а почва его была настолько плодородной, что ни одна страна не производила более продовольствия на пользу людям;

поэтому-то первоначальной родиной людей с полным правом должна считаться та страна, где люди легче всего могли прокормиться. // Напротив, скифы вовсе не признавали умеренность климата доказательством древности... Насколько климат Скифии суровее египетского, настолько выносливее там тела и души... Египет... мог и может быть возделываем только под условием заграждения Нила и поэтому кажется последней страной в отношении древности обитателей, так как он и образован, по-видимому, позднее всех стран посредством царских плотин или иловых наносов Нила. Такими доказательствами скифы одержали верх над египтянами и всегда казались народом более древнего происхождения.

8 Ближайшим по сути и строю к сему языку есть воцерковленный (исполненный Духа Святого) славяно-русский язык.

Ономастические свидетельства горней начальности Скифов у Геродота

По рассказам скифов, народ их — моложе всех. А произошёл он таким образом. Первым жителем этой ещё необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена. Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксай, Арпоксай и самый младший — Колаксай.

Геродот. История. IV,5

Тар|ги|та|й: в сути — «тар-гита-тай». **Гита** — **песня** (санскр.): дар Неба смертным как бодрственным — **Сна**; «**тай**» — суть **Тайна**: Иное — Сему, Небо — бренной Земле.

Липок|сай, Арпок|сай, Колак|сай: «**ксай**», конец имен этих — суть **СКАЙ, НЕБО** (англ.); «**сай**» — суть **Саи**: Господь, Неба Царь*:

Саи — это **Сам Ишвара** (Владыка **Свар**, Неба — Авт.), ...это **Аватар** нашего времени, живой Бог, действующий Бог, Сам Всевышний Господь.

<http://scriptures.ru/sssg.htm>

* **Саи** в повторе, течении (Речь — Река) — **Иса**: пророк мусульман, Иисус наш — Бог-Слово, Бог-Сын:

...САИСАИСАИ...

В фильме «Белое солнце пустыни» сам Бог хранит Сухова дланью Своей под личиной **Саида**.

Приложение 7

Минойское царство Луны

Царство Женщины, царство Любви

Мифология Греции лжет: царь Крита Минос
был не мужчина, а женщина.

**Строгое и неопровержимое доказательство
лунной – женской, сердечной – сути
всех древнейших царств Земли**

**Strict and irrefutable evidence
of the lunar – feminine, heart – essence
of all the oldest kingdoms of the Earth**

МАТЬ, ВЛАДЫКА ВСЕХ СУЩИХ

(эпиграф 1)

**Богиня-Мать на троне с львицами из Чатал-Хююк
(около 6000 лет до н.э., Музей анатолийских
цивилизаций, Турция).**

Чатал-Гуюк (устаревшее написание) или Чатал-Хююк (тур. Çatalhöyük [tʃaˈtal.højyk], также арм. Եղիշիղ и Çatal Hüyük, в переводе — «вилообразный холм») — большое поселение эпохи керамического неолита и энеолита в провинции Конья (южная Анатолия). Является крупнейшим и наиболее хорошо сохранившимся обнаруженным неолитическим поселением. Самые ранние найденные культурные слои относятся к 7400 г. до н. э. Поселение существовало до 5600 г. до н. э.

Холм Чатал-Хююк создавался жителями на протяжении веков путём постройки новых домов поверх старых, что в настоящее время составляет 17 м археологического слоя. Дома стояли настолько близко, что между ними не было проходов. У домов также не было дверных проёмов, вход в большинстве случаев был устроен с крыши, куда были проложены лестницы как внутри, так и снаружи домов, поэтому «городское движение», по-видимому, проходило по крышам зданий. Вход был также единственным вентиляционным отверстием как для поступления свежего воздуха, так и для отвода дыма от открытых очагов, не имевших труб. Подобные современные посёлки, которые выглядят как Чатал-Хююк, это пуэбло североамериканских индейцев и поселения догонов в Мали в Западной Африке.

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Чатал-Хююк>

ОПОРНОЕ ЗНАНИЕ О КРИТЕ И КНОССКОМ ДВОРЦЕ

(эпиграф 2)

Крит — остров Добра

По итогам всех археологических раскопок на Крите не нашли ничего относящегося к войне, не найдено там никаких следов борьбы за власть и иных проявлений людской жестокости.

Царь Минос — Луна

Есть мистическая версия касательно личностей, восседавших на троне в Кносском дворце. Вместо царя Миноса здесь предстает нам Верховная Жрица, олицетворявшая Луну.

И действительно, на нижней части трона виден круг, напоминающий полную Луну. А по бокам трона — части круга, что на языке магических символов — также Луна: в данном случае — «старая» и «растущая» как свита Луны полной.

Световые колодцы Кносса: окна в Высь

Проемов в стенах, подобных окнам позднейших построек, в Кносском дворце не существовало. Свет проходил через отверстия в потолке (световые колодцы) до первого этажа, создавая различную степень освещенности залов дворца.

Фреска Голубой птицы

Одной из древнейших и наиболее значимых фресок, найденных в так называемом «Доме фресок» Кносского дворца, является фреска «голубой птицы». Она сохранилась частично и абсолютно точно принадлежала к большей по размеру коллекции, украшавшей стены здания. В центре на белом фоне царствует голубая птица, сидящая на скале. Пейзаж за птицей особенно впечатляет и передается посредством различных ярких цветов.

Тавромахии — бои с быками

В Кноссе проводились тавромахии — бои с быками. Цель их, проходивших без к|ров|и, была о|дол|енье Женою, Ко|ров|ой, Быка, Мужа: Благом Зла, Сердцем Ума, — и прыжки чрез него, побежденного.*

*Мах в Авесте — Луна, сущих Мать.

Женщина — Сень сущих царств

Эволюция Вселенной, космогенезис, заключается в том, что Целое это, последовательно делясь в себе на части, нисходит в них и осеняет их собой.

Поскольку ж Вселенная есть Лоно, Женщина — создавши Землю и нас, **женосущных** (китайское **жень**, че'LOVE'чность — суть **женственность**: Мать в плóти), Она сошла в род **людской** властью **женскою**, ставшей над ним как господством Ее над людьми.

С тем, все царства начальные правилась женами, а божеством всех людей той порой была Мать, Корнь богов всех, от коей пошла на Земле власть мужчин как **река** от **ис|то|ка** ее.

Царством Женщины был и Крит; и **Минос**, царь его — женщиной, **Миною** был, коей **греки**, впав в **умность**, от Крита как корня идя, дань платили людьми за отказ Ума, Мужа, от верности Сердцу, Жене как Корове, чьим сыном и в сути рабом был Ум, Бык. Бык и был карой им: Минотавр, Ум как **Зло***, главный критский **палач**.

Крит, Жены дом, был царством **Любви**: ибо **Сердце** — Она. Бог Ее есть **Э|р|от**, **крот** (**кріт** (укр.)) **Глуби****, горней, Познанья бог; язык Любви есть **сан|с|крит**.

Эволюция есть **EVO**'люция: **ЖЕН**щины, Лона дви**ЖЕН**ье; генезис — **ЖЕН**езис, исход Жены внутрь Ее как Сердца в Ум.

*Ум Ума — Нарцисс, раб сам себя, в рознь Уму Сердца, Благу как Блага слуге.

Эрот — роющий бог, **фалл Познанья в ва'gin'e In'ого, **ракета** в То. **Поет** — **герой**; г'ero'изм — **poet**'изм как **рытьё** в **Тройку**, Мир; **poet** — тот, кто **поёт**. Герой Неба (**gagana** (**сан**скр.)) — **Юрий**: **рий** — **пой** (укр.): **тори** **тропу** в Вечность, Ан**трóп**! — оживай для нее, гибни (**гинь** (укр.)) для брения, Жизни хвалу см'ert'ью пой!

Царство Женщины — корнь мира тленного
Сердце как Век Золотой, Не|бес|а на Земле.
Солнце его — Луна, Голубь-Глубь, дом чей Крит,
корнь Эллады: Ума — Сердце, явь чья есть Кносс.

Ум в себе — Имманентное, Это как Это; Сердце —
Трансцендентное, Это как То. Ум недвижим,
лишенный Стези как Нарцисс, раб себя; Сердце —
есть Переход: к ЦЕЛИ, Богу двиЖЕНИЕ как ЖИЗнь сама.

С|во|йств сих явь — Древних архитектура. Дворцы Ума
в ней — домá Го|р|из|онт|али в опоре на Дол, бренье.
Окна их с тем — стеновые, огню боковому врата,
столпы их толще книзу — в опоре на Ум. В дворцах
Сердца ж, где царь Верти|к|аль*, окна все в потолоке —
света горнего ради, столпы толще кверху — в опоре
на Сердце. Таков дворец Кносса, лик Сердца выс|ок|ий.
С тем, К|РИТ — дом Жены как ЛУНЫ, явь чья Кносс —
лик Ее, ЛОНа сущих. КНОСС — НОС: Мать, НОСитель
всего как РОТации ВИНт, Глубь, зверь чей
кРОТ (КРІТ (укр.)), тварь ТОРящая, а лик
мирской — РИТуал как повТОР.

*Верти к Богу (араб. Аль).

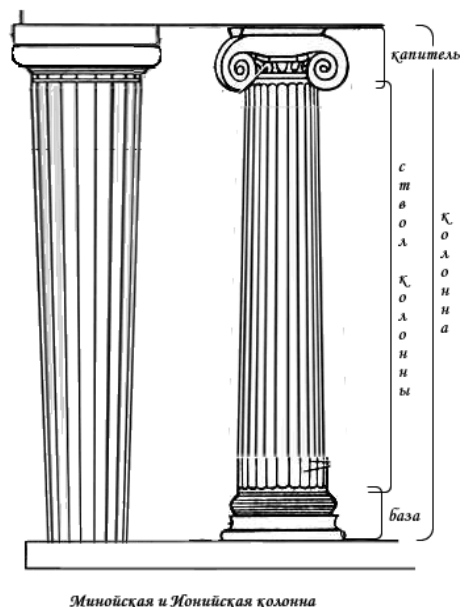

Рис. 1

Зеркальное различие минойского и эллинского (на примере ионийского) ордеров, **Сер**дца и Ума: столп первого — Небо, второго — Земля.

Небо — Целое есть, Земля — часть. УТОлщенье КОЛОНн
кв**ер**ху — Целого знак как ОпОры, Жены, и КО ЛОНу сему
припадания их: к ИстИНе, **Сер**дцу, как дóлжно им;
книзу — опора на часть: Ум без **Сер**дца как **Су**ти
его, ложный камень сущих душ.

Три эллинских ордера — дорийский, ионийский, коринфский — и ордер минойский согласны отношению 3 : 1, сущему меж колбочками и палочками в зрительной системе человека, где первые — суть очи дня: Ум, **солн**це; вторые — суть **очи** **ночи** всезрящие — Сердце, Луна.

Рис. 2

Минойский и эллинский орна**мен**ты:
окр**уг**лость и **угол** — суть Сердце и Ум.

Царство Миноса — царство Жены

Две Опоры имеем мы, люди, живя: Небо, Вечность как сущего Лоно, и Землю, тлен. Небо есть Сердце, Жена; Земля — Ум: Муж, бессердье. КО|ЛОН|ны земные — КО ЛОНу, Тьме-Т|вер|ди столпы: то́лсты кверху — в опоре на Женщину, Истину; книзу — на Мужа, Ложь. С|то|лпами первыми свят, **КРИТ** и был царством женским — порой **КРИТА**-юги, начальной (**CREATE** — творить: рожать мёр сей); с тем, царь его — женщиной был: Минос — МИНОЙ, владыкой **МИНО́Й**ской: антро́пом как голой душой — каплей чистою Лона, женой от Жены.

Имя Мина в обратном течении — **АпiМА** (лат.): Душа, Женщина, **МАть**:

...**MINA**MINA**MINA**...

...**NIMA**ANIMA**ANIMA**...

Эллада и Крит: тень и Огонь

Основное о них

- 1) Эллада и Крит, ее корень — суть тень и **ОГОНЬ**, **УМ** и Сердце, Земля и **Луна**. От сего — властвье Тьмы над Элладой: Высь, Сердце есть Глубь, Огонь **ВНУТри***. Сердце — **СИЛА**, **VIS** (лат.), **ГЛАЗ** (англ. **VISION**) огонь; Ум — от Силы **DI|RA**, Бог **РА|ЗЪЯ**тый. Мир **ДО|ЛЬН**ий — **СЕЛЕН**ой **СИЛ|ЕН**: Женой — **МУж**, тень ее.
- 2) **КРИТ**, Луна — **КРИТ**а-юги дом, Века Златого: **КРЕАТ**ора, Тьмы трон **КРИТ**ичный; Эллада, англ. **HÉLLas** — продление его в тьму веков: ст**ВОЛ** при **КОР**не сем, **БЫК** при **КОР**ове; при **РА**е, **ДА** сущих — **АД**, **HELL**.
- 3) **МИ|НОС**, царь **МИНО**тавра, был женщиной, **МИНОЙ** как ликом Селены, владыки **МИ|НУТ**, кои **М|́НУТ****.
- 4) Минотавр, бык — суть Ум, сын **КОРОВ**ы, **НУТ** (египт.) как Женщины, Сердца. Уму как вершителю воли ее и платили Афины дань **КРОВ**ью за умность свою как за рознь с корнем, Сердцем чрез царствие власти Мужской.
- 5) Для Эллады как Мужа-Ума земли, исконной Западу, (за**ПАД** — **ПАД**ение наше: от Сердца в Ум), Женщина — Жизнь (Корнь) и Ги**БЕЛ**ь как **МИНА**, суть бомба сокрытая. В Уме застыв, мир Эллады не просто исчез — Сердца чуждый, **им взорван из глуби был он**, с тем — рассеялся в дым.

* В пантеоне ее с тем **хтонич**ные боги сильней и страшней олимпийских; царица Аида, Иного-Внизу, Персефона, она ж Про'**SERP**'нна (рим.), — Грекам Луна.

** Луна, **Мена** (греч.) есть хозяйка **Сансары**, **пороч**ного круга **време**н.

Приложение 8

Ноланец

Поэма о Землянине
и его звездных Братьях

17 февраля 1600 года на Кампо деи Фьори (площади Цветов) в Риме был сожжен по обвинению в ереси великий сын человечества Джордано Бруно¹. Приговор был подписан Священной Конгрегацией, верховным органом Италии по расследованию и пресечению преступлений против веры. В вину мыслителю ставилось нарушение коренного догмата папской церкви — материалистически истолкованной Птолемеем пифагорейской идеи о центральности в миропорядке, «гармонии сфер», созерцателя-человека. Место Духа, каков этот зритель по сути², в доктрине церковной занял жалкий в своем самовластии полный сосуд его, брэнна Земля, и с ней плоть земнородная наша. Зря истину, Бруно отрицал земные превосходство и исключительность³. Миров, подобных Земле, мыслил он, — по дыханию жизни, гармонии — множество, кое суть Воля Одна⁴.

Бог — во всем. Он сияет в вещах, меж каких нет презренных. Он светит и в нас — и божественны мы, свет сей зная как **Божий и свой**.

Так утверждал Джордано, по-детски бескомпромиссно и жарко веривший в Человека и его Звездных Братьев. С верой сей он взошел на костер.

Многие вещи, говаривал Кант, способны возбудить удивление и восхищение, но подлинное уважение вызывает лишь человек, не изменивший чувству должного. Таков есть навечно Джордано. Подвиг его, нас волнуя поныне, пронзает века Простотой. Гений Света, явив Знания луч — как Христос, не с людьми он боролся, но с тьмой в них. Враг лжи, был он Любящим в чистых очах. Он стремился с восторгом во Истину, и в храм ее огонь костра стал вратами⁵.

1

Костер заложен честь по чести:
Вязанок хвороста, поди,
Хватило б человек на двести.
Но ожидается — один.

Час ранний. Кампо деи Фьори.
Мир слеп. До света полчаса.
Людское, цвета пепла, море.
Рим ропщет. Немы Небеса.
Тень от распятия на лицах,
Ноздрей фигурный вырез вздут...

(голоса толпы)

«Сколь ждать еще?!» —
«Ужель свершится?» —
«Ах, сударь, скоро ль поведут?» —
«Великий Бог! Святая Дева!
Народ бунтует. Слышу звон
Точимых копий. Дети гнева
Идут, им имя — легион!
Знать, настает, по всем приметам,
Италии недобрый час.
Кровавым брезжит день рассветом...
За что караете вы нас?» —
«Довольно ныть! Не в храме, право!
Слов минул час — нужны дела,
Чтоб вольнодумия отравы
Не злей игристого была.
Оставить след сожженья б моду!
Ведь водам Тибра все равно:
Коль возжелал плебей свободу,
На шею камень — и на дно!
Запомни, чтоб не вторить дважды,
Будь ты купец иль духовник:
Свободолюбцев тьма, и каждый —
Всего лишь вшивый еретик!» —
«Да, чернь сегодня одурела,
Как от прокисшего вина:
Едва придушен Кампанелла⁶ —
Явился новый сатана!
И, верно, первого похлеще:
Твердит о множестве миров,
Мол, жизнь, она и в небе плещет,
Мол, Братья там нашли свой кров;
К мирянам руки простирают,
Хоть их призывы не слышны...» —
«Не суд — сам Бог его карает!» —
«В костер посланца Сатаны!» —
«Глупец! Обугленная туша
И из барана хороша.

Скажи мне, как изжарить душу —
Огнем не зыблема душа!» —
«Упрям. Как бился с ним Пинелли!»⁷ —
«Тот самый? Да неужто?» —
«Тот.
Рот раскрывает еле-еле,
Свое ж бормочет. Так-то вот...» —
«А говорят, ведь был священник,
Брат-проповедник, говорят?»⁸ —
«Был — что с того! Теперь — мошенник,
Теперь одна дорога — в ад!» —
«Эх, теснотища здесь, однако!
Со всех сторон клещами жмут!
Боюсь, когда пойдет, собака,
И плюнуть в рожу не дадут!» —
«Живьем, живьем его зажарить,
Греховный лопнет пусть живот!
Чем он — пусть лучше кучка гари,
Спокойней так...»

И вдруг — «Идет!»

«Идет!» Вмиг братия вскипела,
Темномантийный взвился спрут,
«Идет!» — в устах мирян гудело,
Но не кричал никто — «ведут!»

Толпы невидимые струны
До звона напряглись тотчас
И — лопнули:
Джордано Бруно
Шел по земле
В последний раз.

2

Он шел.
Поверх голов смотрящий,
Поверх — и каждому в лицо,
Тот самый Бруно,
Настоящий,
Один,
Пророк в плену лжецов.
Один —
но с Истиною вместе:
Так, верно, было решено,
Чтоб на жаровне фарисейства
Сожгли их нынче заодно.

Счастливец,
Баловень столетий
В халате стеганом рубцов.
Знаток премудрости и плети.
Друг всех друзей.
Враг всех врагов.
Для палачей непостижимый.
Предмет проклятий и любви.
Черним — но чище херувима,

В крови — но в собственной крови.
С душой загадочнее чаши,
Открытый, как морская гладь.
Прямой.
Ликующий.
Скорбящий.
Молчащий,
каменно молчащий.
Способный
многое
сказать.

Он шел
Средь факельного чада,
Шел в рубище,
но без заплат,
А вокруг него как будто ада
Вился нездешний маскарад,
Как будто именно сегодня
Вся демоническая грязь
Из подземелий преисподней
На эту казнь, шипя, стеклась.

Он шел,
а смерть в лицо дышала,
Огнем дышала,
но с оков,
С волос седых лишь пыль сдувала,
Пыль казематов
иль веков.
Он шел.
Как будто без усилья,
Как на прогулку поутру,
И за спиной, незримы, крылья
Мятежно бились на ветру.
Толпа к лицу тянула пьяно
Рук-сучьев одичалый сад,
Но слышалось сквозь рев: «Джордано!»
И, словно эхо, тихо: «брат...»

Поодаль от святейшей длани,
Живой, как ртуть, и свеж с лица,
Сын гончара, мальчишка Джанни
За локоть теребил отца.
«Жестоко дяди наказание!
Злодей ли он?» — «Едва ль. Несхож!» —
«Что ж наказуют здесь?» — «Познание.
Оно, мой сын, острее, чем нож!»

А день, заботлив и беспечен,
Небесноок, курчаво ал,
Вставал
И облачные плечи
Великой силой наливал.
Казалось, в солнца теплом ситце
Рос богатырь, учась ходить,
Креп, чтоб со злом и тьмой сразиться
Мечом Добра. И — победить.
Свет юный дивно занимался,

Земле и мирозданию люб...
Джордано шел
и улыбался
чему-то
уголками губ.

Чему?
Быть может, в провиденьи
Себе он славу прорекал,
Ее оваян жаркой сенью?
О нет,
о славе он не знал!

Не знал:
шаги, что приближают
Его пути лихой конец,
По ветке лавровой вплетают
В терновый траурный венец.
Не знал он:
те, кто ныне, страхом
Обуреваемые, ждут
Его истерзанного праха —
Во прах истории падут,
Что станет он героем Рима —
Того, чьим был сейчас рабом, —
Что, от случайностей хранимый
Людскою памятью,
потом,
когда-то
переплавлен будет
в костром не плавимую медь⁹.
Пусть о том никто не судит:
Он шел,
чтоб просто
умереть.

Из дум последних круговерти
Не отливал он пьедестал.
Не в том был смысл сей строгой смерти:
он
в простоте лишь
состоял.

Лишь в ней одной.
Как рук касанья,
Что материнскими зовем,
Как первого в любви признанья,
Как приглашенья в отчий дом.
Лишь в простоте.
Но эта малость
Была костра достойной тем,
Что не себе предназначалась —
Для всей планеты.
Людям.
Всем,
кто жизнь в мозолях рук лелеял,
Кто знал о нем
и кто не знал,
Кто сеял хлеб,
кто правду сеял

Иль, как клинки, ее ковал.
Всем,
кто из черных недр темницы
На небеса, дивясь, смотрел,
Кто к дню тому успел родиться
И кто родиться не успел.

Всем им.
Хоть, думой пламенея,
О том мечтать едва ль он мог,
По воле случая,
точнее —
По воле Божией
Пророк.
Не словом — подвигом предвидя
Звон дюз ракет и звон гитар,
Он шел,
блеск фальши ненавидя,
Как легкомысленный Икар,
Как он,
крылатый,
обретая
на камнях Вечности конец,
Как он,
в падении
взмывая
в высь человеческих сердец.

И — в высь иную:
ту, что Разум
В мерцаньи звездном перед ним
Открыл, необозриму глазом.
К грядущим дням.
К мирам иным.

Садились голуби на крыши,
Бриз каравеллы в море гнал...
А он
был с каждым шагом
выше,
хоть и Земли не покидал.
Согнулся горизонт дугою,
Метнулась вниз планеты грудь,
И говорящую рекою
Потек, сияя, Млечный Путь.
Полночным заревом акаций
Свет звездный в сердце разлился...
Он шел.
Средь волн цивилизаций.
С ним говорила Вечность вся.

«Кто ты, чей лик нам столь желанен,
Где, друг, отечество твое?
Чей ты посланник?» —
«Я Землянин.
Я к вам с Земли,
я сын ее.

Привет вам, солнечные Братья,

Благие Бога семена!
Сквозь смерть приемлю вас в объятия:
Идущим в Жизнь — страшна ль она!» —
«О да!
Путь прям,
взойди ж скорее
в хор солнц,
в круг Братский,
в дом Отца!»

Жжет пламя.
Кончено.
Слабею...

И все же Жизни нет конца!

3

Той ночью многие не спали,
Тревожил Рим неясный гул.
Жгли в площадях жир.
Чего-то ждали.
А Джанни не стерпел — заснул.

Укрывшись рванью, как парчою,
От бед на время отрешен,
Спал мальчуган.
И сам собою
Ему приснился дивный сон.

* * *

Фонарь луны.
Играют блики
На виноградных гроздьях звезд.
Но чу: веселый смех и крики,
А в небесах — хрустальный мост!

Что ж Джанни? Мальчик испугался:
Стрелою, бездну пополам
Расклинив, мост тот опускался,
А по мосту... шли люди там!

Шли, шли — несчетными рядами,
Бок о бок, рядом и вдали,
Над городами и садами,
К Земле — и дальше, от Земли.

Да люди ль? Пригляделся Джанни
(Ему был в помощь лунный свет):
Одни обличьем как земляне,
Другие — вовсе как и нет.
Но, разнолики, разнокожи,
Они — в том, верно, смысл был свой —
Между собою были схожи,
Как дети Матери одной.

Смеялись, а казалось — пели,
Сплетя миллионы крепких рук.
Куда б они ни посмотрели —

Иль друг на друга иль вокруг —
Глаза их, словно расцветая,
Цветами нежности цвели,
С любовью равной отражая
Цветенье неба и Земли.
И чудилось, что раздавался
Легчайший шорох добрых крыл...

Нет, Джанни больше не боялся:
Средь них один — Джордано был.

* * *

Бывает так.
Костер пылает.
Ждет жертву огненный порог.
Все есть.
Лишь Бруно
не хватает,
что на него
подняться
мог.

КОММЕНТАРИИ

1. Бруно — уроженец города **Нола**, что на севере Италии; в слове сем зрима Тьма-Ноль, Божья Длань, ему давшая Путь.
 2. Поистине, Дух, Центр гармонии сфер, — есть дух **наш** (и в сакральных трудах речено, что любой в Море зрящий — центр полный его); земля, Духа очаг — наша плоть, с ним согласная волей Творца; круг подлунный, Сансара — в нас бренье; путь к крайней из сфер — стезя нашего роста, в каком преуспев, есть мы Мир.
 3. Земля превосходит иные планеты лишь с тем, что центральному Солнцу, Огню есть покорный очаг (**h|est|ia**); вне сего же она не выходит из ряда планет.
 4. О необходимости познания единства Творца через множественность Его творений Бруно, в частности, пишет: «...величайших похвал заслуживают те, кто стремится к познанию этого начала и причины для того, чтобы познать по мере возможности его величие, созерцая очами размеренных чувств эти великолепные звезды и сияющие тела; и столько имеется обитаемых миров и великих живых тел и превосходнейших божеств, сколь бесчисленными кажутся и являются миры, не многим отличные от того, к которому мы принадлежим; (...) они знают начало и причину, а следовательно, и величие его бытия, жизни и действия: они показывают и проповедуют в бесконечном пространстве бесчисленными голосами бесконечное превосходство и величие своего первого начала и причины».
 5. «И долгая жизнь в бесславии, — рек Пьетро Помпонацци, — не предпочтительнее краткой похвальной жизни, так как жизнь человеческая, даже самая краткая, предпочтительнее сколь угодно долгой жизни скота. Ведь Аристотель говорит в I книге «Этики»: «Долгую жизнь только при прочих равных условиях следует предпочесть кратковременной жизни». // В таком случае оказывается предпочтение не смерти самой по себе, так как она ничто, но праведному деянию, хотя за ним и следует смерть. Так что, отвергая порок, человек не отвергает жизни, которая сама по себе — благо, но отвергает порок, следствием которого явилось бы сохранение жизни». Велик нам Ахилла пример, кто, при данном богами ему выборе меж долгою, но пустой жизнью, и краткою, но полной славы — последнюю твердо избрал.
- Впечатляющую панораму казни еретиков чрез сожжение, какой она была в Испании поры бесчинств инквизиции, энергичными красками рисует Поль де Сен-Виктор в новелле, посвященной нравам двора Карла II. **Аутодафе**, пишет он в предварение этой картины, «при вступлении на престол и свадьбах королей Испании заменяло фейерверк. (...) Инквизиция точно испытывала властителей, принуждая присутствовать их на своих спектаклях; она короновала их пылающим углем Исаяи. Прежде чем вступить на трон, они должны были пройти через ее пламя: это было огненным крещением их царствования». Далее следует описание действа: «Огромный эшафот, над которым царила кафедра Великого Инквизитора, был воздвигнут на Plaza-Majор. В семь часов утра король, королева, гранды, посланники, придворные дамы, празднично разодетые, заняли места на балконах, с которых был виден этот трагический театр. В восемь часов процессия началась. Сто угольщиков, вооруженных пиками, шли во главе: это была привилегия поставщиков костра. За ними следовали доминиканцы, предшествуемые зеленым крестом, обвитым крепом; герцог Медина Цели, наследственный хоругвеносец инквизиции, присные святейшей инквизиции в плащах, испещренных черными крестами, и тридцать человек, несшие картонные изображения, из которых одни представляли бежавших приговоренных, другие — умерших в тюрьме. Мятажные останки этих избежавших казни были влекомы в гробах, украшенных нарисованными языками пламени. За ними следовали вереницей двенадцать осужденных с веревкой на шее и с факелом в руке; их картонные колпаки были расписаны шутовскими рисунками. Инквизиция высмеивала своих жертв; она наряжала их как манекенов, прежде чем кинуть в свои потешные огни. За ними следовали пятьдесят других приговоренных, одетые в желтые одежды с желтыми крестами. Это были евреи, которые, будучи взяты лишь в первый раз, подвергались пока только бичеванию и

темнице. Наконец появились **morituri** праздника, двадцать евреев и евреек, осужденных на костер. Они шли, одетые в свое проклятие и в свою казнь. Их одежды и колпаки пылали. Те, которые раскаянием заслужили милость быть задушенными до костра, были отмечены опрокинутыми языками пламени; но пламя тех, кого должны были сжечь живыми, стояло прямо, и нарисованные дьяволы, карабкаясь по их одеждам, разрывали их. Рты наиболее упорных были заткнуты кляпами. // Зловещая толпа, влекомая веревками, проследовала под королевским балконом, как гладиаторы перед ложей Цезаря. «Этих несчастных протаскивали так близко от короля, — говорит г-жа д' Онуа [француженка, бывшая свидетельницей действия — *Авт.*], — что он слышал их жалобы и стоны, потому что эшафот, на котором они стояли, касался его балкона. Монахи, некоторые искусные, другие невежественные, с яростью вступали с ними в споры, чтобы убедить их в истинах нашей веры. Среди них были евреи, весьма ученые в своей религии, которые с большим хладнокровием отвечали поразительные вещи». Была отслужена заупокойная обедня; во время чтения Евангелия священник покинул алтарь и король Испании, с обнаженной головой, приблизился, чтобы у колен великого инквизитора принести присягу святейшей инквизиции. В полдень началось чтение решений и приговоров, прерываемое криками и мольбами осужденных. Между приговоренных к костру была семнадцатилетняя девушка «дивной красоты». Ребенок не хотел умирать; она отбивалась, как бы уже чувствуя укусы пламени, и — обращаясь к королеве, молила о помиловании. «Великая королева, — говорила она ей, — неужели ваше королевское присутствие ничего не изменит в моей несчастной судьбе? Взгляните на мою юность и подумайте, что дело идет о религии, которую я впитала с молоком матери». «Королева отвратила взор, выражая сострадание, но она не посмела ничего сказать, чтобы спасти ее». (*Memoires de la Cour d'Espagne*). Вероятно, она была уже очень поработана страхом, если могла сдержать горькую жалость, переполнявшую ее сердце. Кто знает? Быть может, одна из ее слез потушила бы пламя ужасного костра. // Чтение приговоров длилось до девяти часов; прерванная месса возобновилась: тогда королю и королеве было дозволено удалиться. Но двор и народ сопровождали осужденных, привязанных к ослам, за Фуенкаральские ворота, где был воздвигнут костер. Эта старая Испания была закалена в огнях инквизиции. Гидальго хорошего рода бывал взволнован зрелищем еврея, жарящегося на костре в рубашке, пропитанной серой, не больше, чем римский патриций осмоленными христианами, которых зажигал Нерон. В испанской Сицилии дамы во время аутодафе кушали щербеты, которые им подавали монахи, как туристы пьют лакримакристы в trattorie отшельника, глядя на дымящийся Везувий. // Казнь была ужасна. «Мужество, с которым приговоренные шли на казнь, действительно необычайно, — говорит г-жа д'Онуа. — Многие сами кидались в огонь, другие сжигали себе руки, потом ноги, держа их над огнем, сохраняя при этом такое спокойствие, что приходилось только жалеть, что души столь мужественные не были просвещены лучами веры. Я туда не ездила; потому, что, не считая того, что было уже за полночь, я была так потрясена все виденным днем, что чувствовала себя дурно».

*

Путь в огонь Бруно зрит неотделимым от крестного в мире пути, коим Истина сходит от власти к безвластью, чтоб в пору свою вновь его осиять. О сем — речь Трисмегиста к Асклепию в бруновском вещем труде «Изгнание торжествующего зверя»: «Видишь ли ты, о Асклепий, сии одушевленные, полные чувства и духа статуи, кои творят множество столь славных деяний, эти статуи, говорю, предвещательницы будущего, кои низводят, смотря по заслугам, болезнь и здоровье, горе и радость на души и тела людей? Разве ты не знаешь, о Асклепий, что Египет — подобие неба или, лучше сказать, колония всех вещей, что правятся и делаются на небе? Воистину, наша земля — храм мира! Но увы! Придет время, когда станут думать, будто Египет тщетно был верным поклонником божества: ибо божество, переселившись на небо, оставит Египет пустынным; и это седалище божества пребудет вдовым, без всякой религии, лишенным присутствия богов, ибо сюда придут на смену племена чуждые и варварские, без религии, без благочестия, без закона, без всякого культа. О Египет, Египет! только сказки останутся от твоей религии, сказки также невероятные для грядущих поколений, у коих не будет ничего, что поведало бы им о твоих благочестивых деяниях, кроме письмен, высеченных на камнях. И сии письмена будут рассказывать не богам и не людям; ибо люди умрут, а божество переселится на небо, но — скифам и индийцам или прочим таким же диким народам. Тьма возобладает над светом, смерть станут считать полезнее жизни, никто не поднимет очей своих к небу, на религиозного человека будут смотреть как на безумца, неблагочестивого станут считать благоразумным, необузданного — сильным, злейшего — добрым. И — поверишь ли мне? — даже смертную казнь определяют тому, кто будет исповедовать религию разума: ибо явится новая правда, новые законы, не останется ничего святого, ничего религиозного, не раздастся ни одного слова, достойного неба или небожителей. Одни только ангелы погибели пребудут и, смешавшись с людьми, толкнут несчастных на дерзость ко всякому злу, якобы к справедливости, и дадут тем самым предлог для войн, для грабительства, обмана и всего прочего, противного душе и естественной справедливости: и то будет старость и безверие мира! Но не сомневайся, Асклепий, ибо после того, как исполнится все это, Господь и Отец Бог, управитель мира, всемогущий Промыслитель, водным или огненным потопом, болезнями или язвами, или прочими слугами своей милосердной справедливости, несомненно положит конец этому позору и воззовет мир к древнему виду».

6. Том|ма|з|о Кам|пан|ел|ла (1568-1639) — итальянский философ, поэт, политический деятель; создатель коммунистической утопии; монах-доминиканец. В 1598 — 1599 г.г. возглавил в Калабрии заговор против испанского владычества, был схвачен, около 27 лет провел в тюрьмах, где создал десятки сочинений по философии, политике, астрономии, медицине, в том числе — труд о Божьей земле «Город солнца».

7. Кардинал Пин|ел|ли — член руководства Священной конгрегации, один из палачей Джордано.

8. Бруно был монахом Доминиканского ордена.

9. 9 июня 1889 года на месте казни Дж. Бруно был открыт памятник.

Превращение

Рэй Брэдбери

"Ну и запах тут", - подумал Рокуэл. От Макгайра несет пивом, от Хартли - усталой, давно не мытой плотью, но хуже всего острый, будто от насекомого, запах, исходящий от Смита, чье обнаженное тело, обтянутое зеленой кожей, застыло на столе. И ко всему еще тянет бензином и смазкой от непонятного механизма, поблескивающего в углу тесной комнатухи.

Этот Смит - уже труп. Рокуэл с досадой поднялся, спрятал стетоскоп.

- Мне надо вернуться в госпиталь. Война, работы по горло. Сам понимаешь, Хартли. Смит мертв уже восемь часов. Если хочешь еще что-то выяснить, вызови прозектора, пускай вскрыют...

Он не договорил - Хартли поднял руку. Костлявой трясущейся рукой показал на тело Смита - на тело, сплошь покрытое жесткой зеленой скорлупой.

- Возьми стетоскоп, Рокуэл, и послушай еще раз. Еще только раз. Пожалуйста.

Рокуэл хотел было отказаться, но раздумал, снова сел и достал стетоскоп. Собратьям-врачам надо уступать. Прижимаешь стетоскоп к зеленому окоченелому телу, притворяешься, будто слушаешь...

Тесная полутемная комнатуха вокруг него взорвалась. Взорвалась единственным зеленым холодным содроганием. Словно по барабанным перепонкам ударили кулаки. Его ударило. И пальцы сами собой отдернулись от распростертого тела.

Он слышал дрожь жизни.

В глубине этого темного тела один только раз ударило сердце. Будто отдалось далекое эхо в морской пучине.

Смит мертв, не дышит, заостенел. Но внутри этой мумии сердце живет. Живет, встrepенулось, будто еще не рожденный младенец.

Пальцы Рокуэла, искусные пальцы хирурга, старательно ощупывают мумию. Он наклонил голову. В неярком свете волосы кажутся совсем темными, кое-где поблескивает седина. Славное лицо, открытое, спокойное. Ему около тридцати пяти. Он слушает опять и опять, на гладко выбритых щеках проступает холодный пот. Невозможно поверить такой работе сердца.

Один удар за тридцать пять секунд.

А дыхание Смита - как этому поверить? - один вдох за четыре минуты. Движение грудной клетки неумовимо. Ну а температура?

Шестьдесят. (По Фаренгейту, т. е. около 16С. - Ред.)

Хартли засмеялся. Не очень-то приятный смех. Больше похожий на заблудшее эхо. Сказал устало:

- Он жив. Да, жив. Несколько раз он меня едва не одурачил. Я вводил ему адреналин, пытался ускорить пульс, но это не помогало. Уже три месяца он в таком состоянии. Больше я не в силах это скрывать. Потому я тебе и позвонил, Рокуэл. Он... это что-то противоестественное.

Да, это просто невозможно, - и как раз поэтому Рокуэла охватило непонятное волнение. Он попытался поднять веки Смита. Безуспешно. Их затянуло кожей. И губы срослись. И ноздри. Воздуху нет доступа...

- И все-таки он дышит...

Рокуэл и сам не узнал своего голоса. Выронил стетоскоп, поднял и тут заметил, как дрожат руки.

Хартли встал над столом - высокий, тощий, измученный.

- Смит совсем не хотел, чтобы я тебя вызвал. А я не послушался. Смит предупредил, чтобы я тебя не вызывал. Всего час назад.

Темные глаза Рокуэла вспыхнули, округлились от изумления.

- Как он мог предупредить? Он же недвижим.

Исхудалое лицо Хартли - заострившиеся черты, упрямый подбородок, сощуренные в щелку глаза - болезненно передернулось.

- Смит... думает. Я знаю его мысли. Он боится, как бы ты его не разоблачил. Он меня ненавидит. За что? Я хочу его убить, вот за что. Смотри. - Он неуклюже полез в карман своего мятого, покрытого пятнами пиджака, вытащил блеснувший вороненой сталью револьвер.

- На, Мэрфи. Возьми. Возьми, пока я не продырявил этот гнусный полутруп!

Макгайр попятился, на круглом красном лице - испуг.

- Терпеть не могу оружие. Возьми ты, Рокуэл.

Рокуэл приказал резко, голосом беспощадным, как скальпель:

- Убери револьвер, Хартли. Ты три месяца проторчал возле этого больного, вот и дошел до психического срыва. Выспись, это помогает. - Он провел языком по пересохшим губам. - Что за болезнь подхватил Смит?

Хартли пошатнулся. Пошевелил непослушными губами. Засыпает стоя, понял Рокуэл. Не сразу Хартли удалось выговорить:

- Он не болен. Не знаю, что это такое. Только я на него зол, как мальчишка злится, когда в семье родился еще ребенок. Он не такой... неправильный. Помоги мне. Ты мне поможешь, а?

- Да, конечно, - Рокуэл улыбнулся. - У меня в пустыне санаторий, самое подходящее место, там его можно основательно исследовать. Ведь Смит... это же самый невероятный случай за всю историю медицины. С человеческим организмом такого просто не бывает!

Он не договорил. Хартли прицелился из револьвера ему в живот.

- Стоп. Стоп. Ты... ты не просто упрячешь Смита подальше, это не годится! Я думал, ты мне поможешь. Он зловредный. Его надо убить. Он опасен! Я знаю, он опасен!

Рокуэл прищурился. У Хартли явно неладно с психикой. Сам не знает что говорит. Рокуэл расправил плечи, теперь он холоден и спокоен.

- Попробуй выстрелить в Смита, и я отдам тебя под суд за убийство. Ты надорвался умственно и физически. Убери револьвер.

Они в упор смотрели друг на друга.

Рокуэл неторопливо подошел, взял у Хартли оружие, дружески похлопал по плечу и передал револьвер Мэрфи - тот посмотрел так, будто ждал, что револьвер сейчас его укусит.

- Позвони в госпиталь, Мэрфи. Я там не буду неделю. Может быть, дольше. Предупреди, что я занят исследованиями в санатории.

Толстая красная физиономия Мэрфи сердито скривилась.

- А что мне делать с пистолетом?

Хартли стиснул зубы, процедил:

- Возьми его себе. погоди, еще сам захочешь пустить его в ход.

Рокуэлу хотелось кричать, возвестить всему свету, что у него в руках - невероятная, невиданная в истории человеческая жизнь. Яркое солнце освещало палату санатория; Смит, безмолвный, лежал на столе, красивое лицо его застыло бесстрастной зеленой маской.

Рокуэл неслышными шагами вошел в палату. Прижал стетоскоп к зеленой груди. Получалось то ли царапанье, то ли негромкий скрежет, будто металл касается панциря огромного жука.

Поодаль стоял Макгайр, недоверчиво оглядывал недвижимое тело, благоухал недавно выпитым в изобилии пивом.

Рокуэл сосредоточенно вслушивался.

- Наверно, в машине скорой помощи его сильно растрясло. Не следовало рисковать...

Рокуэл вскрикнул.

Макгайр, волоча ноги, подошел к нему.

- Что случилось?

- Случилось? - Рокуэл в отчаянии огляделся. Сжал кулак. - Смит умирает!

- С чего ты взял? Хартли говорил, Смит просто прикидывается мертвым. Он и сейчас тебя дурачит...

- Нет! - Рокуэл выбивался из сил над бессловесным телом, пытался впрыснуть лекарство. Любое. И ругался на чем свет стоит. После всей этой мороки потерять Смита невозможно. Нет, только не теперь.

А там, внутри, под зеленым панцирем, тело Смита содрогалось, билось, корчилось, охваченное непостижимым бешенством, и казалось, в глубине глухо рычит пробудившийся вулкан.

Рокуэл пытался сохранить самообладание. Смит - случай особый. Обычные приемы скорой помощи не действуют. Как же тут быть? Как?

Он смотрит остановившимся взглядом. Окостенелое тело блестит в ярких солнечных лучах. Жаркое солнце. Сверкает, горит на стетоскопе. Солнце. Рокуэл смотрит, а за окном наплывают облака, солнце скрылось. В комнате стало темнее. И тело Смита затихает. Вулкан внутри успокоился.

- Макгайр! Опустить шторы! Скорей, пока не выглянуло солнце!

Макгайр повиновался.

Сердце Смита замедляет ход, удары его опять ленивы и редки.

- Солнечный свет Смицу вреден. Чему-то он мешает. Не знаю, отчего и почему, но это ему опасно... - Рокуэл вздыхает с облегчением. - Господи, только бы не потерять его. Только бы не потерять. Он какой-то не такой, он создает свои правила, что-то он делает такое, чего еще не делал никто. Знаешь что, Мэрфи?

- Ну?

- Смит вовсе не в агонии. И не умирает. И вовсе ему не лучше умереть, что бы там ни говорил Хартли. Вчера вечером, когда я его укладывал на носилки, чтобы везти в санаторий, я вдруг понял - Смицу я по душе.

- Бр-р! Сперва Хартли. Теперь ты. Смит тебе сам это сказал, что ли?

- Нет, не говорил. Но под этой своей скорлупой он не без сознания. Он все сознает. Да, вот в чем суть. Он все сознает.

- Просто-напросто он в столбняке. Он умрет. Больше месяца он живет без пищи. Это Хартли сказал. Хартли сперва хоть что-то вводил ему внутривенно, а потом кожа так затвердела, что уже не пропускала иглу.

Дверь одноместной палаты медленно, со скрипом отворилась. Рокуэл вздрогнул. На пороге, выпрямившись во весь свой немалый рост, стоял Хартли; после нескольких часов сна колючее лицо его стало спокойнее, но серые глаза смотрели все так же зло и враждебно.

- Выйдите отсюда, и я в два счета покончу со Смитом, - негромко сказал он. - Ну?

- Ни с места, - сердито приказал Рокуэл, подходя к нему. - Каждый раз, как явишься, вынужден буду тебя обыскивать. Прямо говорю, я тебе не доверяю. - Оружия у Хартли не оказалось. - Почему ты меня не предупредил насчет солнечного света?

- Как? - тихо, не сразу прозвучало в ответ. - А... да. Я забыл. На первых порах я пробовал передвигать Смита. Он оказался на солнце и стал умирать всерьез. Понятно, больше я не трогал его с места. Похоже, он смутно понимал, что ему предстоит. Может, даже сам это задумал, не знаю. Пока он не заостенел окончательно и еще мог говорить и есть, аппетит у него был волчий, и он предупредил, чтобы я три месяца его не трогал с места. Сказал, что хочет оставаться в тени. Что солнце все испортит. Я думал, он меня разыгрывает. Но он не шутил. Ел жадно, как зверь, как голодный дикий зверь, потом впал в оцепенение - и вот, полюбуйтесь... - Хартли невнятно выругался. - Я-то надеялся, ты оставишь его подольше на солнце и нечаянно угробишь.

Макгайр всколыхнулся всей своей тушей - двести пятьдесят фунтов.

- Слушайте... А вдруг мы заразимся этой смитовой болезнью?

Хартли смотрел на неподвижное тело, зрачки его сузились.

- Смит не болен. Неужели не понимаешь, тут же прямые признаки вырождения. Это как рак. Им не заражаешься, это в роду и передается по наследству. Сперва у меня не было к Смицу ни страха, ни ненависти, это пришло только неделю назад - тогда я убедился, что он дышит, и существует, и процветает, хотя ноздри и рот замкнуты наглухо. Так не бывает. Так не должно быть.

- А вдруг и ты, и я, и Рокуэл тоже станем зелеными, и эта чума охватит всю страну, тогда как? - дрожащим голосом выговорил Макгайр.

- Тогда, если я ошибаюсь, - может быть, и ошибаюсь, - я умру, - сказал Рокуэл. - Только меня это ни капельки не волнует.

Он повернулся к Смицу и продолжал делать свое дело.

Колокол звонит. Колокол. Два, два колокола. Десять колоколов, сто. Десять тысяч, миллион оглушительных, гремящих, лязгающих металлом колоколов. Все разом ворвались в тишину, воют, режут, отдаются мучительным эхом, раздирают уши!

Звенят, поют голоса, громкие и тихие, высокие и низкие, глухие и пронзительные. Бьют по скорлупе громадные хлопушки, в воздухе несмолкаемый грохот и треск!

Под трезвон колоколов Смит не сразу понимает, где же он. Он знает, ему ничего не увидеть, веки замкнуты, знает - ничего ему не сказать, губы срослись. И уши тоже запечатаны, а колокола все равно оглушают.

Видеть он не может. Но нет, все-таки может, и кажется - перед ним тесная багровая пещера, словно глаза обращены внутрь мозга. Он пробует шевельнуть языком, пытается крикнуть и вдруг понимает: язык пропал - там, где всегда был язык, пустота, щемящая пустота будто жаждет вновь его обрести, но сейчас - не может.

Нет языка. Странно. Почему? Смит пытается остановить колокола. И они останавливаются, блаженная тишина окутывает его прохладным покрывалом. Что-то происходит. Происходит. Смит пробует шевельнуть пальцем, но палец не повинует. И ступня тоже, нога, пальцы ног, голова - ничто не слушается. Ничем не шевельнешь. Ноги, руки, все тело - недвижимы, застыли, скованы, будто в бетонном гробу.

И еще через минуту страшное открытие: он больше не дышит. По крайней мере, легкими.

- Потому что у меня больше нет легких! - вопит он. Вопит где-то внутри, и этот мысленный вопль захлестнуло, опутало, скомкало и дремотно повлекло куда-то в глубину темной багровой волной. Багровая дремотная волна обволокла беззвучный вопль, скрутила и унесла прочь, и Смику стало спокойнее.

"Я не боюсь, - подумал он. - Я понимаю непонятное. Понимаю, что вовсе не боюсь, а почему - не знаю.

Ни языка, ни ноздрей, ни легких.

Но потом они появятся. Да, появятся. Что-то... что-то происходит."

В поры замкнутого в скорлупе тела проникает воздух, будто каждую его частицу покалывают струйки живительного дождя. Дышишь мириадами крохотных жабр, вдыхаешь кислород и азот, водород и угольную кислоту, и все идет впрок. Удивительно. А сердце как - бьется еще или нет?

Да, бьется. Медленно, медленно, медленно. Смутный багровый ропот возникает вокруг, поток, река... медленная, еще медленней, еще. Так славно. Так вдохновенно.

Дни сливаются в недели, и быстрее складываются в цельную картину разрозненные куски головоломок. Помогает Макгайр. В прошлом хирург, он уже многие годы у Рокуэла секретарем. Не бог весть какая подмога, но славный товарищ.

Рокуэл заметил, что хоть Макгайр ворчливо подшучивает над Смитом, но спокоен, даже очень. Силится сохранить спокойствие. А потом однажды притих, призадумался - и сказал неторопливо:

- Вот что, я только сейчас сообразил: Смит живой! Должен бы помереть. А он живой. Вот так штука!

Рокуэл расхохотался.

- А какого черта, по-твоему, я тут орудую? На той неделе доставлю сюда рентгеновский аппарат, посмотрю, что творится внутри Смитовой скорлупы.

Он ткнул иглой шприца в эту жесткую скорлупу. Игла сломалась. Рокуэл сменил иглу, потом еще одну и наконец проткнул скорлупу, взял кровь и принялся изучать образцы под микроскопом. Спустя несколько часов он преспокойно сунул результаты проб Макгайру, под самый его красный нос, заговорил быстро:

- Просто не верится. Его кровь смертельна для микробов. Я капнул взвесь стрептококков, и за восемь секунд они все погибли! Можно ввести Смиту какую угодно инфекцию - он любую бациллу уничтожит, он ими лакомится!

За считанные часы сделаны были еще и другие открытия. Рокуэл лишился сна, ночью ворочался в постели с боку на бок, продумывал, передумывал, опять и опять взвешивал потрясающие догадки. К примеру. С тех пор, как Смит заболел, и до последнего времени Хартли каждый день вводил ему внутривенно какое-то количество кубиков питательной сыворотки. Ни грамма этой пищи не использовано. Вся она сохраняется про запас - и не в жировых отложениях, а в совершенно неестественном виде: это какой-то очень насыщенный раствор, неведомая жидкость, содержащаяся у Смита в крови. Одной ее унции довольно, чтобы питать человека целых три дня. Эта удивительная жидкость движется в кровеносных сосудах, а едва организм ощутит в ней потребность, он тотчас ее усваивает. Гораздо удобнее, чем запасы жира. Несравнимо удобнее!

Рокуэл ликовал - вот это открытие! В теле Смита накопилось этого икс-раствора столько, что хватит на многие месяцы. Он не нуждается в пище извне.

Услыхав это, Макгайр печально оглядел свое солидное брюшко.

- Вот бы и мне так...

Но это еще не все. Смит почти не нуждается в воздухе. А нужное ему ничтожное количество впитывает, видимо, прямо сквозь кожу. И усваивает до последней молекулы. Никаких отходов.

- И ко всему, - закончил Рокуэл, - в последнем счете Смит, пожалуй, вовсе не надо будет, чтоб у него билось сердце, он и так обойдется!

- Тогда он умрет.

- Для нас с тобой - да. Для самого себя - может быть. А может, и нет. Ты только вдумайся, Макгайр. Что такое сейчас Смит? Замкнутая кровеносная система, которая сама собою очищается, месяцами не требует питания извне, почти не знает перебоев и совсем ничего не теряет, ибо с пользой усваивает каждую молекулу; система саморазвивающаяся и прочно защищенная, убийственная для любых микробов. И при всем при этом Хартли еще говорит о вырождении!

Хартли принял открытие с досадой. И твердил свое: Смит перестает быть человеком. Он выродок - и опасен.

Макгайр еще подлил масла в огонь:

- Почем знать, может, возбудителя этой болезни и в микроскоп не увидишь, а он, справляясь со своей жертвой, заодно уничтожает все другие микробы. Ведь прививают же иногда малярию, чтобы излечить сифилис; отчего бы новой неведомой бацилле не пожрать все остальные?

- Довод веский, - сказал Рокуэл. - Но мы-то не заболели?

- Может быть, эта бактерия уже в нас, только ей нужен какой-то инкубационный период.

- Типичное рассуждение старомодного эскулапа. Что бы с человеком ни случилось, раз он не вмещается в привычные рамки, значит, болен, - возразил Рокуэл. - Кстати, это твоя мысль, Хартли, а не моя. Врачи не успокоятся, пока не поставят в каждом случае диагноз и не наклеят ярлычок. Так вот, по-моему, Смит здоров, до того здоров, что ты его боишься.

- Ты спятил, - сказал Макгайр.

- Возможно. Только Смит, я думаю, вовсе не требуется вмешательство медицины. Он сам себя спасает. По-вашему, это вырождение. А по-моему, рост.

- Да ты посмотри на его кожу, - почти простонал Макгайр.

- Овца в волчьей шкуре. Снаружи - жесткий, ломкий покров. Внутри - упорядоченная перестройка, преобразование. Почему? Я начинаю догадываться. Эти внутренние перемены в Смите так бурны, что им нужна защита, броня. А ты мне вот что скажи, Хартли, только честно: боялся ты в детстве насекомых - пауков и всякой такой твари?

- Да.

- То-то и оно. У тебя фобия. Врожденный страх и отвращение, и все это обратилось на Смита. Поэтому тебе и противна эта перемена в нем.

В последующие недели Рокуэл подробно разузнал о прошлом Смита. Побывал в лаборатории электроники, где тот работал, пока не заболел. Дотошно исследовал комнату, где Смит под присмотром Хартли провел первые недели своей "болезни". Тщательно изучил стоящий в углу аппарат. Что-то связанное с радиацией.

Уезжая из санатория, Рокуэл надежно запер Смита в палате и к двери приставил стражем Макгайра на случай, если у Хартли появятся какие-нибудь завиральные мысли.

Смиту тридцать два года, и жизнь у него была самая простая. Пять лет проработал в лаборатории электроники. Никогда серьезно не болел.

Шли дни. Рокуэл пристрастился к долгим одиноким прогулкам вдоль соседнего пересохшего ручья. Так он выкраивал время подумать, обосновать невероятную теорию, что складывалась у него все отчетливей.

А однажды остановился у куста жасмина, цветущего ночами подле санатория, поднялся на цыпочки и, улыбаясь, снял с высокой ветки что-то темное, поблескивающее. Осмотрел и сунул в карман. И прошел в дом.

Он позвал с веранды Макгайра. Тот пришел. За ним, бормоча вперемешку жалобы и угрозы, плелся Хартли. Все трое сели в приемной.

И Рокуэл заговорил.

- Смит не болен. В его организме не выжить ни одной бацилле. И никакие дьяволы, бесы и злые духи в него не вселились. Упоминаю об этом в доказательство, что перебрал все мыслимые и немыслимые возможности. И любой диагноз любых обычных болезней отбрасываю. Предлагаю гораздо более важную и наиболее приемлемую возможность - замедленную наследственную мутацию.

- Мутацию? - не своим голосом переспросил Макгайр.

Рокуэл поднял и показал нечто темное, поблескивающее на свету.

- Вот что я нашел в саду, на кусте. Отлично подтверждает мою теорию. Я изучил состояние Смита, осмотрел его лабораторию, исследовал несколько вот этих штучек, - он повертел в пальцах темный маленький предмет. - И я уверен. Это метаморфоза. Перерождение, видоизменение, мутация - не до, а после появления на свет. Вот. Держи. Это и есть Смит.

И он кинул темную вещичку Хартли. Хартли поймал ее на лету.

- Это же куколка, - сказал Хартли. - Бывшая гусеница.

Рокуэл кивнул:

- Вот именно.

- Так что же, ты воображаешь, будто Смит тоже... куколка?!

- Убежден, - сказал Рокуэл.

Вечером, в темноте, Рокуэл склонился над телом Смита. Макгайр и Хартли сидели в другом конце палаты, молчали, прислушивались. Рокуэл осторожно ощупывал тело.

- Предположим, жить - значит не только родиться, протянуть семьдесят лет и умереть. Предположим, что в своем бытии человек должен шагнуть на новую, высшую степень, - и Смит первый из всех нас совершает этот шаг.

Мы смотрим на гусеницу и, как нам кажется, видим некую постоянную величину. Однако она превращается в бабочку. Почему? Никакие теории не дают исчерпывающего объяснения. Она развивается - вот что важно. Самое существенное: нечто будто бы неизменное превращается в нечто другое, промежуточное, совершенно неузнаваемое - в куколку, а из нее выходит бабочкой. С виду куколка мертва. Это маскировка, способ сбить со следа. Поймите, Смит сбил нас со следа. С виду он мертв. А внутри все соки клокочут, перестраиваются, бурно стремятся к одной цели. Личинка оборачивается москитом, гусеница бабочкой... а чем станет Смит?

- Смит - куколка? - Макгайр невесело засмеялся.

- Да.

- С людьми так не бывает.

- Перестань, Макгайр. Ты, видно, не понимаешь, эволюция совершает великий шаг. Осмотри тело и дай какое-то другое объяснение. Проверь кожу, глаза, дыхание, кровообращение. Неделями он запасал пищу, чтобы погрузиться в спячку в этой своей скорлупе. Почему он так жадно и много ел, зачем копил в организме некий икс-раствор, если не для этого перевоплощения? А всему причиной - излучение. Жесткое излучение в Смитовой лаборатории. Намеренно он облучался или случайно, не знаю. Но затронута какая-то ключевая часть генной структуры, часть, предназначенная для эволюции человеческого организма, которой, может быть, предстояло включиться только через тысячи лет.

- Так что же, по-твоему, когда-нибудь все люди?..

- Личинка стрекозы не остается навсегда в болоте, кладка жука - в почве, а гусеница - на капустном листе. Они видоизменяются и вылетают на простор. Смит - это ответ на извечный вопрос: что будет дальше с людьми, к чему мы идем? Перед нами неодолимой стеной встает Вселенная, в этой Вселенной мы обречены существовать, и человек, такой, каков он сейчас, не готов вступить в эту Вселенную. Малейшее усилие утомляет его, чрезмерный труд убивает его сердце, недуги разрушают тело. Возможно, Смит сумеет ответить философам на вопрос, в чем смысл жизни. Возможно, он придаст ей новый смысл.

Ведь все мы, в сущности, просто жалкие насекомые и суетимся на ничтожно маленькой планете. Не для того существует человек, чтобы вечно прозябать на ней, оставаться хилым, жалким и слабым, но будущее для него пока еще тайна, слишком мало он знает.

Но измените человека! Сделайте его совершенным. Сделайте... сверхчеловека, что ли. Избавьте его от умственного убожества, дайте ему полностью овладеть своим телом, нервами, психикой; дайте ясный, пронизательный ум, неутомимое кровообращение, тело, способное месяцами обходиться без пищи извне, освоиться где угодно, в любом климате, и побороть любую болезнь. Освободите человека от оков плоти, от бедствий плоти, и вот он уже не злосчастное ничтожество, которое страшится мечтать, ибо знает, что хрупкое тело

помешает ему осуществить мечты, - и тогда он готов к борьбе, к единственной подлинно стоящей войне. Заново рожденный человек готов противостоять всей, черт ее подери, Вселенной!

Рокуэл задохнулся, охрип, сердце его неистово колотилось; он склонился над Смитом, бережно, благоговейно приложил ладони к холодному недвижному панцирю и закрыл глаза. Сила, властная тяга, твердая вера в Смита переполняли его. Он прав. Прав. Он это знает. Он открыл глаза, посмотрел на Хартли и Макгайра: всего лишь тени в полутьме палаты, при завешенном окне.

Короткое молчание, потом Хартли погасил свою сигарету.

- Не верю я в эту теорию.

А Макгайр сказал:

- Почему ты знаешь, может быть, все нутро Смита обратилось в кашу? Делал ты рентгеновский снимок?

- Нет, это рискованно - вдруг помешает его превращению, как мешал солнечный свет.

- Так значит, он становится сверхчеловеком? И как же это будет выглядеть?

- Поживем - увидим.

- По-твоему, он слышит, что мы про него сейчас говорим?

- Слышит ли, нет ли, ясно одно: мы узнали секрет, который нам знать не следовало. Смит вовсе не желал посвящать в это меня и Макгайра. Ему пришлось как-то к нам приспособиться. Но сверхчеловек не может хотеть, чтобы все вокруг о нем узнали. Люди слишком ревнивы и завистливы, полны ненависти. Смит знает, если тайна выйдет наружу, это для него опасно. Может быть, отсюда и твоя ненависть к нему, Хартли.

Все замолчали, прислушиваются. Тишина. Только шумит кровь в висках Рокуэла. И вот он, Смит - уже не Смит, но некое вместилище с пометкой "Смит", а что в нем - неизвестно.

- Если ты не ошибаешься, нам, безусловно, надо его уничтожить, - заговорил Хартли. - Подумай, какую он получит власть над миром. И если мозг у него изменился в ту сторону, как я думаю... тогда, как только он выйдет из скорлупы, он постарается нас убить, потому что мы одни про него знаем. Он нас возненавидит за то, что мы провели его секрет.

- Я не боюсь, - беспечно сказал Рокуэл.

Хартли промолчал. Шумное, хриплое дыхание его наполняло комнату. Рокуэл обошел вокруг стола, махнул рукой:

- Пойдемте-ка все спать, пора, как по-вашему?

Машину Хартли скрыла завеса мелкого морозящего дождя. Рокуэл запер входную дверь, распорядился, чтобы Макгайр в эту ночь спал на раскладушке внизу, перед палатой Смита, а сам поднялся к себе и лег.

Раздеваясь, он снова мысленно перебирал невероятные события последних недель. Сверхчеловек. А почему бы и нет? Волевой, сильный...

Он улегся в постель.

Когда же? Когда Смит "вылупится" из своей скорлупы? Когда?

Дождь тихонько шуршал по крыше санатория.

Макгайр дремал на раскладушке под ропот дождя и грохот грома, слышалось его шумное, тяжелое дыхание. Где-то скрипнула дверь, но он дышал все так же ровно. По прихожей пронесся порыв ветра. Макгайр всхрапнул, повернулся на другой бок. Тихо затворилась дверь, сквозняк прекратился.

Смягченные толстым ковром тихие шаги. Медленные шаги, опасливые, крадущиеся, настороженные. Шаги. Макгайр мигнул, открыл глаза.

В полутьме кто-то над ним наклонился.

Выше, на площадке лестницы, горит одинокая лампочка, желтоватая полоска света протянулась рядом с койкой Макгайра.

В нос бьет резкий запах раздавленного насекомого. Шевельнулась чья-то рука. Кто-то силится заговорить.

У Макгайра вырвался дикий вопль.

Рука, что протянулась в полосу света, зеленая.

Зеленая!

- Смит!

Тяжело топая, Макгайр с криком бежит по коридору.

- Он ходит! Не может ходить, а ходит!

Всей тяжестью он налетает на дверь, и дверь распахивается. Дождь и ветер со свистом набрасываются на него, он выбегает в бурю, бессвязно, бессмысленно бормочет.

А тот, в прихожей, недвижим. Наверху распахнулась дверь, по лестнице сбегает Рокуэл. Зеленая рука отдернулась из полосы света, спряталась за спиной.

- Кто здесь? - остановясь на полпути, спрашивает Рокуэл.

Тот выходит на свет.

Рокуэл смотрит в упор, брови сдвинулись.

- Хартли! Что ты тут делаешь, почему вернулся?

- Кое-что случилось, - говорит Хартли. - А ты поди-ка приведи Макгайра. Он выбежал под дождь и лопочет, как полоумный.

Рокуэл не стал говорить, что думает. Быстро, испытующе оглядел Хартли и побежал дальше - по коридору, за дверь, под дождь.

- Макгайр! Макгайр, дурья голова, вернись!

Бежит под дождем, струи так и хлещут. На Макгайра наткнулся чуть не в сотне шагов от дома, тот бормочет:

- Смит... Смит там ходит...

- Чепуха. Просто это вернулся Хартли.

- Рука зеленая, я видел. Она двигалась.

- Тебе приснилось.

- Нет. Нет! - В дряблом, мокром от дождя лице Макгайра ни кровинки. - Я видел, рука зеленая, верно тебе говорю. А зачем Хартли вернулся? Ведь он...

При звуке этого имени Рокуэла как ударило, он разом понял. Пронзило страхом, мысли закружило вихрем - опасность! - резнул отчаянный зов: на помощь!

- Хартли!

Рокуэл оттолкнул Макгайра, рванулся, закричал и со всех ног помчался к санаторию. В дом, по коридору...

Дверь в палату Смита взломана.

Посреди комнаты с револьвером в руке - Хартли. Услыхал бегущего Рокуэла, обернулся. И вмиг оба действуют. Хартли стреляет, Рокуэл щелкает выключателем.

Тьма. И вспышка пламени, точно на моментальной фотографии высвечено сбоку застывшее тело Смита. Рокуэл метнулся в сторону вспышки. И уже в прыжке, потрясенный, понял, почему вернулся Хартли. В секунду, пока не погас свет, он увидел руку Хартли.

Пальцы, покрытые зеленой чешуей.

Потом схватка врукопашную. Хартли падает, и тут снова вспыхнул свет, на пороге мокрый насквозь Макгайр, выговаривает трясущимися губами:

- Смит... он убит?

Смит не пострадал. Пуля прошла выше.

- Болван, какой болван! - кричит Рокуэл, стоя над обмякшим на полу Хартли. - Великое, небывалое событие, а он хочет все погубить!

Хартли пришел в себя, говорит медленно:

- Надо было мне догадаться. Смит тебя предупредил.

- Ерунда, он... - Рокуэл запнулся, изумленный. Да, верно. То внезапное предчувствие, смятение в мыслях. Да. Он с яростью смотрит на Хартли. - Ступай наверх. Просидишь до утра под замком. Макгайр, иди и ты. Не спускай с него глаз.

Макгайр говорит хрипло:

- Погляди на его руку. Ты только погляди. У Хартли рука зеленая. Там в прихожей был не Смит - Хартли!

Хартли уставился на свои пальцы.

- Мило выглядит, а? - говорит он с горечью. - Когда Смит заболел, я тоже долго был под этим излучением. Теперь я стану таким... такой же тварью... как Смит. Это со мной уже несколько дней. Я скрывал. Старался молчать. Сегодня почувствовал - больше не могу, вот и пришел его убить, отплатить, он же меня погубил...

Сухой резкий звук, что-то сухо треснуло. Все трое замерли.

Три крохотных чешуйки взлетели над Смитовой скорлупой, покружили в воздухе и мягко опустились на пол.

Рокуэл вмиг очутился у стола, вгляделся.

- Оболочка начинает лопаться. Трещина тонкая, едва заметная - треугольником, от ключиц до пупка. Скоро он выйдет наружу!

Дряблые щеки Макгайра затряслись:

- И что тогда?

- Будет у нас сверхчеловек, - резко, зло отозвался Хартли. - Спрашивается: на что похож сверхчеловек? Ответ: никому не известно.

С треском отлетели еще несколько чешуек. Макгайра передернуло.

- Ты попробуешь с ним заговорить?

- Разумеется.

- С каких это пор... бабочки... разговаривают?

- Поди к черту, Макгайр!

Рокуэл засадил их обоих для верности наверху под замок, а сам заперся в комнате Смита и лег на раскладушку, готовый бодрствовать всю долгую дождливую ночь - следить, вслушиваться, думать.

Следить, как отлетают чешуйки ломкой оболочки, потому что из куколки безмолвно стремится выйти наружу Неведомое.

Ждать осталось каких-нибудь несколько часов. Дождь стучится в дом, струи сбегают по стеклу. Каков-то он теперь будет с виду, Смит? Возможно, изменится строение уха, потому что станет тоньше слух; возможно, появятся дополнительные глаза; изменится форма черепа, черты лица, весь костяк, размещение внутренних органов, кожные ткани; возможно несчетное множество перемен.

Рокуэла одолевает усталость, но уснуть страшно. Веки тяжелеют, тяжелеют. А вдруг он ошибся? Вдруг его домыслы нелепы? Вдруг Смит внутри этой скорлупы - вроде медузы? Вдруг он - безумный, помешанный... или совсем переродился и станет опасен для всего человечества? Нет. Нет. Рокуэл помотал затуманенной головой. Смит - совершенство. Совершенство. В нем нет места ни единой злой мысли. Совершенство.

В санатории глубокая тишина. Только и слышно, как потрескивают чешуйки хрупкой оболочки, падая на пол...

Рокуэл уснул. Погрузился во тьму, и комната исчезла, нахлынули сны. Снилось, что Смит поднялся, идет, движения угловатые, деревянные, а Хартли, пронзительно крича, опять и опять заносит сверкающий топор, с маху рубит зеленый панцирь и превращает живое существо в отвратительное месиво. Снился Макгайр - бежит под кровавым дождем, бессмысленно лопочет. Снилось...

Жаркое солнце. Жаркое солнце заливает палату. Уже утро. Рокуэл протирает глаза, смутно встревоженный тем, что кто-то поднял шторы. Кто-то поднял... Рокуэл вскочил как ужаленный. Солнце! Шторы не могли, не должны были подняться. Сколько недель они не поднимались! Он закричал.

Дверь настежь. В санатории тишина. Не смея повернуть голову, Рокуэл косится на стол. Туда, где должен бы лежать Смит.

Но его там нет.

На столе только и есть, что солнечный свет. Да еще какие-то опустелые остатки. Все, что осталось от куколки. Все, что осталось.

Хрупкие скорлупки - расщепленный надвое профиль, округлый осколок бедра, полоска, в которой угадывается плечо, обломок грудной клетки - разбитые останки Смита!

А Смит исчез. Подавленный, еле держась на ногах, Рокуэл подошел к столу. Точно маленький, стал копать в тонких шуршащих обрывках кожи. Потом круто повернулся и, шатаясь как пьяный, вышел из палаты, тяжело затопал вверх по лестнице, закричал:

- Хартли! Что ты с ним сделал? Хартли! Ты что же, убил его, избавился от трупа, только куски скорлупы оставил и думаешь сбить меня со следа?

Дверь комнаты, где провели ночь Макгайр и Хартли, оказалась запертой. Трясущимися руками Рокуэл повернул ключ в замке. И увидел их обоих в комнате.

- Вы тут, - сказал растерянно. - Значит, вы туда не спускались. Или, может, отперли дверь, пошли вниз, вломились в палату, убили Смита и... нет, нет.

- А что случилось?

- Смит исчез! Макгайр, скажи, выходил Хартли отсюда?

- За всю ночь ни разу не выходил.

- Тогда... есть только одно объяснение... Смит выбрался ночью из своей скорлупы и сбежал! Я его не увижу, мне так и не удастся на него посмотреть, черт подери совсем! Какой же я болван, что заснул!

- Ну, теперь все ясно! - заявил Хартли. - Смит опасен, иначе он бы остался и дал нам на себя посмотреть. Одному Богу известно, во что он превратился.

- Значит, надо искать. Он не мог уйти далеко. Надо все обыскать! Быстрее, Хартли! Макгайр!

Макгайр тяжело опустился на стул.

- Я не двинусь с места. Он и сам отыщется. С меня хватит.

Рокуэл не стал слушать дальше. Он уже спускался по лестнице, Хартли за ним по пятам. Через несколько минут за ними, пыхтя и отдуваясь, двинулся Макгайр.

Рокуэл бежал по коридору, приостанавливаясь у широких окон, выходящих на пустыню и на горы, озаренные утренним солнцем. Выглядывал в каждое окно и спрашивал себя: да есть ли хоть капля надежды найти Смита? Первый сверхчеловек. Быть может, первый из очень и очень многих. Рокуэла прошиб пот. Смит не должен был исчезнуть, не показавшись сперва хотя бы ему, Рокуэлу. Не мог он вот так исчезнуть. Или все же мог?

Медленно отворилась дверь кухни.

Порог переступила нога, за ней другая. У стены поднялась рука. Губы выпустили струйку сигаретного дыма.

- Я кому-то понадобился?

Ошеломленный Рокуэл обернулся. Увидел, как изменился в лице Хартли, услышал, как задохнулся от изумления Макгайр. И у всех троих вырвалось разом, будто под суфлера:

- Смит!

Смит выдохнул струйку дыма. Лицо ярко-розовое, словно его нажгло солнцем, голубые глаза блестят. Ноги босы, на голое тело накинута старый халат Рокуэла.

- Может, вы мне скажете, куда это я попал? И что со мной было в последние три месяца - или уже четыре? Тут что, больница?

Разочарование обрушилось на Рокуэла тяжким ударом. Он трудно глотнул.

- Привет. Я... То есть... Вы что же... вы ничего не помните?

Смит выставил растопыренные пальцы:

- Помню, что позеленел, если вы это имеете в виду. А потом - ничего.

И он взъерошил розовой рукой каштановые волосы - быстрое, сильное движение того, кто вернулся к жизни и радуется, что вновь живет и дышит.

Рокуэл откачнулся, бессильно прислонился к стене. Потрясенный, спрятал лицо в ладонях, тряхнул головой, потом, не веря своим глазам, спросил:

- Когда вы вышли из куколки?

- Когда я вышел... откуда?

Рокуэл повел его по коридору в соседнюю комнату, показал на стол.

- Не пойму, о чем вы, - просто, искренне сказал Смит. - Я очнулся в этой комнате полчаса назад, стою и смотрю - я совсем голый.

- И это все? - обрадованно спросил Макгайр. У него явно полегчало на душе.

Рокуэл объяснил, откуда взялись остатки скорлупы на столе. Смит нахмурился.

- Что за нелепость. А вы, собственно, кто такие?

Рокуэл представил их друг другу.

Смит мрачно поглядел на Хартли.

- Сперва, когда я заболел, явились вы, верно? На завод электронного оборудования. Но это же все глупо. Что за болезнь у меня была?

Каждая мышца в лице Хартли напряглась до отказа.

- Никакая не болезнь. Вы-то разве ничего не знаете?

- Я очутился с незнакомыми людьми в незнакомом санатории. Очнулся голый в комнате, где какой-то человек спал на раскладушке. Очень хотел есть. Пошел бродить по санаторию. Дошел до кухни, отыскал еду, поел, услышал какие-то взволнованные голоса, а теперь мне заявляют, будто я вылутился из куколки. Как прикажете все это понимать? Кстати, спасибо за

халат, за еду и сигареты, я их взял взаймы. Сперва я просто не хотел вас будить, мистер Рокуэл. Я ведь не знал, кто вы такой, но видно было, что вы смертельно устали.

- Ну, это пустяки. - Рокуэл отказывался верить горькой очевидности. Все рушится. С каждым словом Смита недавние надежды рассыпаются, точно разбитая скорлупа куколки. - А как вы себя чувствуете?

- Отлично. Полон сил. Просто замечательно, если учесть, как долго я пробыл без сознания.

- Да, прямо замечательно, - сказал Хартли.

- Представляете, каково мне стало, когда я увидел календарь. Стольких месяцев - бац - как не бывало! Я все гадал, что же со мной делалось столько времени.

- Мы тоже гадали.

Макгайр засмеялся:

- Да не приставай к нему, Хартли. Просто потому, что ты его ненавидел...

Смит недоуменно поднял брови:

- Ненавидели? Меня? За что?

- Вот. Вот за что! - Хартли растопырил пальцы. - Ваше проклятое облучение. Ночь за ночью я сидел около вас в вашей лаборатории. Что мне теперь с этим делать?

- Тише, Хартли, - вмешался Рокуэл. - Сядь. Успокойся.

- Ничего я не сяду и не успокоюсь! Неужели он вас обоих одурачил? Это же подделка под человека! Этот розовый молодчик затеял такой страшный обман, какого еще свет не видал! Если у вас осталось хоть на грош соображения, убейте этого Смита, пока он не улизнул!

Рокуэл попросил извинить вспышку Хартли. Смит покачал головой:

- Нет, пускай говорит дальше. Что все это значит?

- Ты и сам знаешь! - в ярости заорал Хартли. - Ты лежал тут месяц за месяцем, подслушивал, строил планы. Меня не проведешь. Рокуэла ты одурачил, теперь он разочарован. Он ждал, что ты станешь сверхчеловеком. Может, ты и есть сверхчеловек. Так ли, эдак ли, но ты уже никакой не Смит. Ничего подобного. Это просто еще одна твоя уловка. Запутываешь нас, чтоб мы не узнали о тебе правды, чтоб никто ничего не узнал. Ты запросто можешь нас убить, а стоишь тут и уверяешь, будто ты человек как человек. Так тебе удобнее. Несколько минут назад ты мог удрать, но тогда у нас остались бы подозрения. Вот ты и дождался нас, и уверяешь, будто ты просто человек.

- Он и есть просто человек, - жалобно вставил Макгайр.

- Неправда. Он думает не по-людски. Чересчур умен.

- Так испытай его, проверь, какие у него ассоциации, - предложил Макгайр.

- Он и для этого чересчур умен.

- Тогда все очень просто. Возьмем у него кровь на анализ, прослушаем сердце, впрыснем сыворотки.

На лице Смита отразилось сомнение.

- Я чувствую себя подопытным кроликом. Разве что вам уж очень хочется. Все это глупо.

Хартли возмутился. Посмотрел на Рокуэла, сказал:

- Давай шприцы.

Рокуэл достал шприцы. "Может быть, Смит все-таки сверхчеловек, - думал он. - Его кровь - сверхкровь. Смертельна для микробов. А сердцебиение? А дыхание? Может быть, Смит - сверхчеловек, но сам этого не знает. Да. Да, может быть..."

Он взял у Смита кровь, положил стекло под микроскоп. И сник, ссутулился. Самая обыкновенная кровь. Вводишь в нее микробы - и они погибают в обычный срок. Она уже не сверхсмертельна для бактерий. И неведомый икс-раствор исчез. Рокуэл горестно вздохнул. Температура у Смита нормальная. Пульс тоже. Нервные рефлексy, чувствительность - ни в чем никаких отклонений.

- Что ж, все в порядке, - негромко сказал Рокуэл.

Хартли повалился в кресло, глаза широко раскрыты, костлявыми руками стиснул виски.

- Простите, - выдохнул он. - Что-то у меня... ум за разум... верно, воображение разыгралось. Так тянулись эти месяцы. Ночь за ночью. Стал как одержимый, страх одолел. Вот и свалил дурака. Простите. Простите. - И уставился на свои зеленые пальцы. - А что ж будет со мной?

- У меня все прошло, - сказал Смит. - Думаю, и у вас пройдет. Я вам сочувствую. Но это было не так уж скверно... В сущности, я ничего не помню.

Хартли явно отпустило.

- Но... да, наверно, вы правы. Мало радости, что придется вот так закаменеть, но тут уж ничего не поделаешь. Потом все пройдет.

Рокуэлу было тошно. Слишком жестоко он обманулся. Так не щадить себя, так ждать и жаждать нового, неведомого, сгорать от любопытства - и все зря. Стало быть, вот он каков, человек, что вылутился из куколки? Тот же, что был прежде. И все надежды, все домыслы напрасны.

Он жадно глотнул воздух, попытался остановить тайный неистовый бег мысли. Смятение. Сидит перед ним розовощекий, звонкоголосый человек, спокойно покуривает... просто-напросто человек, который страдал какой-то кожной болезнью - временно отвердела кожа

да еще под действием облучения разладилась на время внутренняя секреция, - но сейчас он опять человек как человек, и не более того. А буйное воображение Рокуэла, неистовая фантазия разыгрались - и все проявления странной болезни сложились в некий желанный вымысел, в несуществующее совершенство. И вот Рокуэл глубоко потрясен, взбудоражен и разочарован.

Да, то, что Смит жил без пищи, его необыкновенно защищенная кровь, крайне низкая температура тела и другие преимущества - все это лишь проявления странной болезни. Была болезнь, и только. Была - и прошла, миновала, кончилась и ничего после себя не оставила, кроме хрупких осколков скорлупы на залитом солнечными лучами столе. Теперь можно будет понаблюдать за Хартли, если и его болезнь станет развиваться, и потом доложить о новом недуге врачебному миру.

Но Рокуэла не волновала болезнь. Его волновало совершенство. А совершенство лопнуло, растрескалось, рассыпалось и сгнуло. Сгнула его мечта. Сгинул выдуманный сверхчеловек. И теперь ему плевать, пускай хоть весь свет обрастет жесткой скорлупой, позеленеет, рассыплется, сойдет с ума.

Смит обошел их всех, каждому пожал руку.

- Мне нужно вернуться в Лос-Анджелес. Меня ждет на заводе важная работа. Пора приступить к своим обязанностям. Жаль, что не могу остаться у вас подольше. Сами понимаете.

- Вам надо бы остаться и отдохнуть хотя бы несколько дней, - сказал Рокуэл, горько ему было видеть, как исчезает последняя тень его мечты.

- Нет, спасибо. Впрочем, этак через неделю я к вам загляну, доктор, обследуете меня еще раз, хотите? Готов даже с годик заглядывать, примерно раз в месяц, чтоб вы могли меня проверить, ладно?

- Да. Да, Смит. Пожалуйста, приезжайте. Я хотел бы еще потолковать с вами об этой вашей болезни. Вам повезло, что остались живы.

- Я вас подвезу до Лос-Анджелеса, - весело предложил Макгайр.

- Не беспокойтесь. Я дойду до Туджунги, а там возьму такси. Хочется пройтись. Давненько я не гулял, погляжу, что это за ощущение.

Рокуэл ссудил ему пару старых башмаков и поношенный костюм.

- Спасибо, доктор. Постараюсь как можно скорей вернуть вам все, что задолжал.

- Ни гроша вы мне не должны. Было очень интересно.

- Что ж, до свиданья, доктор. Мистер Макгайр. Хартли.

- До свиданья, Смит.

- До свиданья.

Смит пошел по дорожке к старому руслу, дно ручья уже совсем пересохло и растрескалось под лучами предвечернего солнца. Смит шагал непринужденно, весело, посвистывал. "Вот мне сейчас не свищется", - устало подумал Рокуэл.

Один раз Смит обернулся, помахал им рукой, потом поднялся на холм и стал спускаться с другой его стороны к далекому городу.

Рокуэл провожал его глазами - так смотрит малый ребенок, когда его любимое творение - замок из песка - подмывают и уносят волны моря.

- Не верится, - твердил он снова и снова. - Просто не верится. Все кончается так быстро, так неожиданно. Я как-то отупел, и внутри пусто.

- А по-моему, все прекрасно! - Макгайр радостно ухмылялся.

Хартли стоял на солнце. Мягко опущены его зеленые руки, и впервые за все эти месяцы, вдруг понял Рокуэл, совсем спокойно бледное лицо.

- У меня все пройдет, - тихо сказал Хартли. - Все пройдет, я поправлюсь. Ох, слава богу. Слава богу. Я не сделаюсь чудовищем. Я останусь самим собой. - Он обернулся к Рокуэлу. - Только запомни, запомни, не дай, чтоб меня по ошибке похоронили, ведь меня примут за мертвеца. Смотри, не забудь.

Смит пошел тропинкой, пересекающей сухое русло, и поднялся на холм. Близился вечер, солнце уже опускалось за дальние синеющие холмы. Проглянули первые звезды. В нагретом недвижимом воздухе пахло водой, пылью, цветущими вдали апельсиновыми деревьями.

Встрепенулся ветерок. Смит глубоко дышал. И шел все дальше.

А когда отошел настолько, что его уже не могли видеть из санатория, остановился и замер на месте. Посмотрел на небо.

Бросил недокуренную сигарету, тщательно затоптал. Потом выпрямился во весь рост - стройный, ладный, - отбросил со лба каштановые пряди, закрыл глаза, глотнул, свободно свесил руки вдоль тела.

Без малейшего усилия, - только чуть вздохнул теплый воздух вокруг, - Смит поднялся над землей.

Быстро, беззвучно взмыл он ввысь и вскоре затерялся среди звезд, устремляясь в космические дали...

Перевела с английского Нора Галь

Сила любви

сказка

Восславим Творца, о друзья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Некий Ученый, пленившийся песней Соловья, задумал постичь ее тайну. Часами, забыв о других весьма важных занятиях, слушал он вольную птицу в саду, но искусство ее оставалось ему все такой же загадкой. Он хотел разузнать все у самого Соловья, но это был гордый Ученый, и он не любил быть просителем. Однако же любопытство его взяло верх.

— Послушай, Соловей, — обратился он к птице важно, — я познал мудрость многих наук, но не могу понять: отчего и как ты поешь?

— Пой — и поймешь, — сказал Соловей.

— Что за странный совет! — удивился Ученый. — Или не видишь: я не артист. Мелодия твоей песни томит меня как ничто в целом мире. Поведай же, прошу, ее секрет!

— Пой, — сказал Соловей, — мне нечего добавить к этому.

Гнев затуманил взор Ученого.

— Упрямец, — зло прошептал он, — ты вздумал смеяться надо мной! Вот как ценима моя благосклонность. Ты не желаешь открыть мне свою тайну? Так погоди же, я возьму у тебя ее сам!

Он поймал певца и посадил его в клетку. Но в неволе Соловья будто подменили: он перестал петь!

— Эй, приятель, куда подевалась твоя песня? — досадливо вскричал Ученый, но ответом ему было глубокое молчание. «Должно быть, Соловей утаил ее в своем горле. Проклятая птица! А ну-ка погляжу, какие рулады она посмела скрыть от меня».

И сказав так, служитель науки убил прекрасную птицу. Острым лезвием он рассек ее горлышко, но не нашел ничего кроме бездыханной плоти. Тогда он решил искать глубже. Вспоров нежную грудку, он извлек внутренности и долго колдовал над ними, взвешивая и наблюдая в микроскоп.

Он очень старался, этот достойный Ученый, трудясь день и ночь без сна и отдыха. Увлечшись, он позабыл, чего искал вначале. А когда тетрадь его распухла от множества пометок, написал мудреный трактат «О Соловье», на треть из латинских слов и на четверть из греческих.

Трактат принес Ученому успех. Сановный двор воздал ему хвалу, и сам Первый Министр увенчал его венком из лавра. Седые академики рукоплескали его открытиям. Коллеги наперебой расточали похвалы.

— Какой талант у этого Ученого! Какой пытливый ум! — восторгались одни.

— Подумать только, он первым в мире исчислил объем соловьиных легких! — упоенно вторили им другие.

— И гортань, — поражались третьи, — он измерил ее как никто доныне! Есть ли равный ему в науке опыта?

Грудь Ученого украсили медалью. Она была из чистого золота, и Ученый мог по праву гордиться ею: ведь он так славно потрудился!

Ученый ликовал. К его возвращению прислуга навела в доме образцовый порядок. Когда вся обстановка сияла великолепием, взгляд горничной упал на труп небольшой птицы, одиноко лежащий на столе хозяина.

— Что за гадость! — всплеснула руками служанка. — И как это я не заметила его раньше?

И она смахнула легкие останки в корзину для мусора.

* * *

— Хвала, хвала Ученому! — трубили на всех площадях глашатаи.

— Почет и уважение умнейшему из граждан! — зывали риторы в Высоком Собрании. Простодушный народ не мог сдержать радости слыша эти слова. Смех и веселые возгласы звучали окрест. И посреди этого ликования лишь один человек не спешил разделить его, оставаясь тих и печален. Это был сам Ученый.

Слава пришла к Ученому, но покой оставил его. С тех пор как был написан трактат, приступы странной тревоги стали посещать его, едва лишь на землю спускались сумерки. Какая-то неодолимая сила влекла Ученого в сад, и там, стоя под ветвями, он напряженно вслушивался в вечернее безмолвие, словно пытался уловить нечто забытое и давно утраченное. Что же? Ученый не мог ответить. Ведь он имел почет и богатство, а что нужно людям сверх этого?

Однажды, когда глубокой ночью Ученый ворочался в своей постели в напрасных попытках заснуть, луч луны упал в раскрытое окно. Он легко коснулся лица Ученого, приглашая в путь, и Ученый, словно давно ждавший, откликнулся на этот призыв. Он взглянул в окно и увидел тропу из лунного сияния, серебром мерцавшую меж деревьев. Дивная легкость наполнила Ученого. Он пошел по тропе, и она привела его на край утеса, темной громадой высившегося над окрестными холмами и рощами.

Недвижимые, в небесной вышине сияли звезды. Внизу, припорошенные лунной пылью, ковром смыкались кроны деревьев, а оттуда... оттуда лились до боли знакомые чарующие звуки. То пел Соловей, и звенящая песня его широко и легко заполняла пространство. Даль, раскрывшись, внимала ее привету; ей, крылатой, внимали, склонясь, миры. И тогда Ученый понял, о чем тосковал все это время и зачем пришел сюда. «О Соловей, — произнес он, — мне только казалось, что я убил тебя, а ты жив и смерть не властна над твоею песней! Я погубил твое щедрое сердце, но теперь знаю, что должен был подарить тебе свое. Что ж, сегодня я исправляю эту ошибку».

Так сказал благородный Ученый. И светло улыбаясь, он шагнул в беспредельность ночи навстречу песне, которую так любил.

Ведь душа наша — птица, жизнь — песня.

Восславим Творца, о друзья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Ермаков Олег Владимирович • Oleg V. Yermakov

Биографическая справка • Biographical information

Родился в 1961 году в г. Мичуринске Тамбовской области (Россия), там же окончил среднюю школу. В школьные годы — победитель VII Всесоюзного конкурса школьных сочинений в жанре очерка (1975). Окончил Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко по специальности «химия» (1983). Около 10 лет работал в химической отрасли Украины, далее — в журналистике, пройдя путь от репортера до главного редактора всеукраинского журнала. Автор ряда изобретений и цикла трудов о Вселенной, работу над главным из которых, «Планета Любовь. Основы Единой теории Поля», вел в течение 22 лет (1987–2009). Член авторского сообщества Википедии. Автор стихотворного сборника «Сила Любви» (2001), профессиональный художник-карикатурист.

Исследование Вселенной — мое основное занятие. Предаюсь ему со студенческой скамьи и считаю его наследственным: моя бабушка Надежда Зарецкая — конструктор антенного блока первого искусственного спутника Земли, запуск которого ознаменовал начало космической эры человечества, автор ряда изобретений в области ракетно-космической техники, а муж Надежды Георгиевны и мой дед Михаил Мамонтович — брат Нины Ивановны Королёвой (урожденной Котенковой), жены С.П. Королёва, в КБ которого в подмосковных Подлипках работала бабушка, пришедшая по рекомендации работавшей там Нины Ивановны, соседствовавшей с семьей Надежды Георгиевны в поселке Болшево Московской области (ныне часть г. Королёва). Покоряя Вселенную, в те нещедрые на житейские блага времена Надя Зарецкая, бесконечно влюбленная в Землю, страстно мечтала обзавестись ее ключком, чтобы посадить на нем сад. Мечта ее сбылась: хлопотами Сергея Павловича талантливая дочь России получила участок в Болшево, где вырастила чудесный сад и построила дом для большого семейства.

Женат, отец взрослого сына и дед троих внуков. Сейчас живу в Киеве.

Born in 1961 in Michurinsk, a town near Tambov, Russia, where I finished school. During my school years, I won the 7th USSR National School Essay Competition (1975). I graduated from the Kiev Taras Shevchenko State University with a Master's degree in Chemistry (1983). After 10 years in chemical industry in Ukraine, I decided to pursue a career in journalism, where I grew from a reporter to the editor-in-chief of a national magazine. I have a number of registered inventions. I am an author of a series of works about the Universe. My most important work, Planet Love. The basics of the Unified Field theory, or the Introduction to sacral linguistics, took me 22 years to write (1987 – 2009). Member of Wikipedia author community. Author of a published book of poetry Power of Love (2001). Professional caricaturist.

Researching the Universe is my primary occupation and a passion since college years. Passion for space runs in generations in my family: my grandmother Nadezhda Zaretskaya designed the aerial assembly of the first man-made Earth satellite, the launch of which started the space era of the humankind, and holds credit for a number of other space engineering inventions. Her husband, my grandfather Mikhail Zaretsky, is a brother of Nina Koroleva, wife of the great Sergey Korolev – it was in Korolev's Podlipki space design lab near Moscow that my grandmother worked. Despite her success conquering space, in those tough Soviet times, her biggest dream on our planet was to own a piece of land to grow a garden. Her dream eventually came true: through Sergey Korolev's patronage, the talented space engineer received a piece of land where she was finally able to grow a beautiful garden and build a house for her big family.

I live in Kiev with my wife. I am a father to a grown son and a grandfather of three.

Телефоны в Киеве:

+ 38 (066) 561-21-20, + 38 (044) 533-12-20

E-mail: hermakouti@ukr.net

Skype: [martin196966](https://www.skype.com/name/martin196966)

Личный сайт, посвященный работе «Планета Любовь»:

<http://www.ivers61.narod.ru>

